

ЗАПИСИ В. А. КРАВЧИНСКОЙ В ЛУЖСКОМ РАЙОНЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

(ЭКСПЕДИЦИЯ ОТДЕЛА ФОЛЬКЛОРА ПУШКИНСКОГО ДОМА 1947 г.)

Публикация М. В. Рейли

Биографические сведения о В. А. Кравчинской, к сожалению, крайне скудны, хотя и они позволяют нам получить представление о жизни рядового ученого советской эпохи. Весь доступный биографический материал оказался сосредоточен в юбилейном издании «Пушкинский Дом : Материалы к истории. 1905—2005».¹ Итак, читаем:

«Кравчинская Вера Александровна родилась 22 марта 1885 г. в с. Шапки Петербургской губ.(?).»

В 1898 г. она окончила Коломенскую гимназию в Петербурге, а в 1901 г. — там же словесное отделение Педагогических курсов женских гимназий. С 1918 г. работала в УОНО, в редакциях газет „Красная кооперация“, „Ленинградская правда“, „Красная правда“ и др.

В 1938 г. Вера Александровна проходила вольнослушателем по кафедре фольклора ЛГУ, а 1 декабря 1938 г. была принята на работу в ИРЛИ на должность младшего научного сотрудника Отдела фольклора. В годы Великой Отечественной войны с июня 1941 по 4 июля 1942 г. вела оборонную работу в МПВО Института и на территории домохозяйства. Позже была отмечена медалью „За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.“.²

¹ Пушкинский Дом : Материалы к истории : 1905—2005. СПб., 2005. 600 с.

² Там же. С. 462.

В то же время продолжалась работа ученого. Так, вскоре после начала военных действий как ответ на немецкую оккупацию появилась брошюра А. М. Астаховой и В. А. Кравчинской «Защита Отечества в народном творчестве» (Л., 1941).³ Позже В. А. Кравчинская была эвакуирована в Ульяновскую область, где работала учителем. После возвращения из эвакуации, с 15 сентября 1945 г. она — научно-технический сотрудник Отдела фольклора, где и проработала до 31 декабря 1954 г.

Это было непростое время. Миллионы советских людей во время войны побывали в германском плену или проживали на оккупированных территориях, что, по мнению И. В. Сталина, могло повлиять на их благонадежность. В связи с этим была развернута кампания по преодолению «тлетворного влияния» буржуазного Запада.

В 1946—1948 гг. появились постановления партии, в которых пристальное внимание уделялось идеологической составляющей в сфере науки.

Ученых обвиняли в приверженности западным идеям, антипатриотизме и «буржуазном космополитизме». Из патриотических соображений(?) в Ленинградском университете была ликвидирована кафедра фольклора.

В это же время появляется составленный сотрудниками ИРЛИ юбилейный сборник «Образ И. В. Сталина в поэзии народов СССР» (Л., 1949 — авторы В. А. Кравчинская, М. Я. Парижская (Мельц), Г. Г. Шаповалова, П. Г. Ширяева), что было созвучно общей ситуации борьбы фольклористики, как науки, за выживание.⁴

Вера Александровна принимала участие и в других коллективных трудах: ТОДРЛ. Т. 6 (М.; Л., 1948); «Очерки русского народнопоэтического творчества советской эпохи» (М.; Л., 1948); «Русское народное поэтическое творчество советской эпохи» (М.; Л., 1952); «Русское народное поэтическое творчество. Т. 2, кн. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII—первой половины XIX века» (М.; Л., 1955) и др. В сферу ее научных интересов входили повествовательные жанры русского фольклора (сказы, сказки, былички), песни и частушки Отечественной войны и др.

Основными трудами В. А. Кравчинской можно назвать следующие: *Астахова А. М., Кравчинская В. А.* Защита Отечества в народных песнях. М.; Л., 1941; *Русские народные песни, записанные в Ленинградской области: 1931—1949 гг.* / Сост. В. А. Кравчинская, П. Г. Ширяева. Л.; М., 1950.⁵

³ См.: Горелов А. А., Марченко Ю. И. Отдел народнопоэтического творчества // Там же. С. 212.

⁴ Там же. С. 213.

⁵ См.: Пушкинский Дом: Материалы к истории: 1905—2005. С. 462.

В Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН хранятся экспедиционные коллекции В. А. Кравчинской: № 88, п. 1; № 96, п. 1, 2; № 105, п. 1, 2, 9, 9д; № 118, п. 1—5; № 139, п. 1; № 166, п. 1, 2; № 198, п. 1 и др.

В мае—июне 1947 г. состоялась экспедиция сотрудников ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом) под руководством В. А. Кравчинской в Лужский район Ленинградской области. Одна из первых послевоенных экспедиций на которой сказались все сложности и противоречия этого времени. Подъем патриотического духа, вызванный недавно одержанной победой над фашистской Германией, неразрывно связанный с горечью потерь близких и родных, с одной стороны, политические установки руководства страны и специфическая направленность идеологической работы партии и правительства, с другой — вызвали существенные изменения как в бытовой картине русской деревни, так и в ее фольклорном репертуаре. В свою очередь в работе собирателей также заметна определенная тенденциозность в отборе материала. В основном их внимание сконцентрировано на военно-патриотической тематике: военно-патриотические песни и частушки времен Великой Отечественной войны, фронтовые рассказы и т. п.

В целом можно отметить огромное количество песенного фольклора, видимо, наиболее доступного в силу своей изобильности и относительной идеологической нейтральности. Здесь и песни гражданской войны и Великой Отечественной и лирические песни, и плясовые, и хороводные. При этом количество обрядовых — свадебных и календарных — песен сравнительно невелико. Зато многочисленны песни о вождях: В. И. Ленине и И. В. Сталине. Почти отсутствуют свадебные и похоронные причеты. Очень немногочисленны сказки. В основном это бытовые сказки, сказки-анекдоты и детские сказки о животных. Волшебных сказок почти не встречается. Детский фольклор также представлен весьма скромно. Однако попадаются и довольно архаические по форме и содержанию мифологические рассказы.

В экспедиции в Лужский район Ленинградской области В. А. Кравчинская сосредоточила свое внимание на фольклорной прозе. Вот что пишет она сама в листке, предвещающем экспедиционные материалы.

«Записи в Лужском районе производились тремя собирателями: А. Н. Лозановой, Ф. П. Васильевым и В. А. Кравчинской.

А. Н. Лозанова записала в 1945 [г.]¹ сказы о Велик[ой] Отеч[ественной] войне и одну сказку о Ерше Ершовиче.

---

¹ В квадратных скобках раскрыты сокращения автора дневника.

Ф. П. Васильев совершил в 1946 г. рекогносцировочную экспедицию, обойдя пешком в течение [двух] недель свыше [пятидесяти] населенных пунктов в юго-западной части Лужского р[айона] и выявил [девять] сказителей, от которых записал [тридцать девять] сказок и [одно] местное предание.

В. А. Кравчинская обследовала в 1946 г. Заклинский сельсовет и записала в колхозах „Заклинье“ и „Нелайский труженик“ в течение [двух] недель [девятисто три] сказки; из них [двадцать две] легендарные, носящие местное название „былиц“, и [девять] сказов о Великой Отечественной войне. В колхозе „Заклинье“ был выявлен 76-летний сказитель Ларион Леонтьевич Леонтьев. Репер[туар] — [восемнадцать] волшебных сказ[ок], [тридцать девять] преда[ний] о леших, водяных, русалках, домовых, колдунах, знахарях, кладах, [пять] сказов о креп[остном] праве, [девять] сказов о Великой Отечественной войне».²

Приводим текст дневника В. А. Кравчинской, который представляет несомненный интерес как с точки зрения собирателя фольклора, так и с позиции непосредственного отражения и оценки исторической и бытовой обстановки послевоенного времени в деревнях Ленинградской области.

ДНЕВНИК СОБИРАТЕЛЯ (РО ИРЛИ, КОЛ. 118, П. 5, № 1)

[Обложка (оборот)]: На ломоносовском чтении:

«О лете я пишу, но им не наслаждаюсь».

Ломоносов

(Из послания к Шувалову).

Ломоносов:

«Не так свирепствует преславный крокодил,
Которого питал в себе

великий Нил,

Не так несытой волк

на паству нападает,

Как правду ненависть рожденная терзает.

Ломоносов

(Из доклада Модзалевского

об открытой природе... (далее нрзб. — М. Р.)

---

² На полях рукописи запись: «В репертуаре сказителей Лужского района преобладают легендарные сказки, носящие местное название былиц». Как следует из дальнейших записей, под «былицами» подразумеваются и бытовые рассказы, и предания, и былички.

[Титул]

Кравчинская В. А.
1 мая 1947 г.
Луга
Дневник собирателя.

[Титул оборот]:

Евдокия Трофимовна Леонтьева: «Мы живем по Сталинской конституции».

Марк А. А.: Без мольцонеров с им не обойдешься.
Все в полевице:

Сапожник: Алексей Васильевич Тимофеев.

Плотники — бригадир Алексей Цветков.

Александр Михайлович Логинов — ночной сторож.³

Дневник собирателя.

1/V. В невероятной тесноте и давке выехала из Л[енингра]да в Лугу. В вагоне сидели друг на друге, стояли в проходах, старались примоститься на узлах и корзинах. Весь этот хаос продолжался до Толмачева, когда половина пассажиров схлынула. Луга встретила меня пронизывающим северным ветром и морозящим дождем. Остановилась у Е. С. Галеевой. Записала от нее сказку про царевну-лягушку. Вечером дочитывала взятую с собой превосходную книгу В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки».

2/V. Холод и дождь продолжаютя. Записала от Е. С. Галеевой сказку «Аленький цветочек». Разыскивала указанную соседями слепую сказительницу Ел[ену] Анат[ольевну] Рель, нашла ее дом, но двери на замке, хозяйка, по словам соседей, ушла по миру.

3/V. Встретилась с секретарем РКВКП (б) товарищем Ополченным и получила направление для реализации 2-го гос[ударственного] займа россий[ского] нар[одного] хоз[яйства] в колхоз «Нелайский труженик» Лужского сельсовета, куда и отправилась пешком вместе с председателем этого колхоза Н. Г. Никитиным, случайно встреченным мной в райкоме. Удача! Он вел меня напрямиком через лес и «омшары», причем я ежеминутно восхищалась своими сапогами-самоходами: без них я пропала бы, а в них шагала, не обращая внимания на воду, доходившую местами выше щиколотки.

В поле звенели жаворонки, в лесу заливались яблочки, не обращая внимания на холод. Незаметно мы дошли до колхоза

---

³ Надписи карандашом на обложке дневника.

Заклинье, где я осталась ночевать. Теперь-то мне кажется, что это незаметно, но тяжесть портфеля и сумки с хлебом, перевешенных через плечо, дали себя знать. Никитин не догадался облегчить меня, хотя шел с пустыми руками.

В Заклинье находится Лужский сельсовет, где завтра будет собрание актива, посв[ященное] займу. В сельсовете пусто и только из комнаты сторожа несутся непрерывные старческие стоны. Это стонет жена сторожа, 88-летняя старушка, захворавшая [четыре] дня тому назад. Жена председателя колхоза Зина Павлова отвела меня к старику-сказителю Ларивону Леонтьевичу, о котором мне говорила Галя Шаповалова. Его изба на самом краю деревни. На двери висел огромный замок, какие вешают на лабах, а сам хозяин собирал во дворе дрова, чтобы топить «байню». Встретил меня очень приветливо и на ходу рассказал, что может заговорить любого до того, что он заснет под его сказки.

— Когда я был взводным в германскую войну, так побился об заклад с ундером Охлопаевым, что буду ему рассказывать одну сказку трое суток и не устану. А он не выдержит — заснет. Переставал я говорить только когда обедали. На третьи сутки он заснул, а я выиграл [сорок пять] булок по рублю и угостил весь свой взвод.

Деду Ларивону 76 лет. Это высокий, чуть сутуловатый старик с мохнатыми черными бровями, сильной проседью, суровый на вид, но при ближайшем знакомстве очень располагающий к себе. Много, охотно и как-то по-детски смеется, рассказывая о самых, казалось бы, трагических фактах своей биографии. Философ! Все для него ничто в сравнении с вечностью. На обоих глазах у него катаракт, собирается ложиться на операцию. Почти не видит («дальше чем на полтора метра одна чернота»), попал ногой в корыто с выстиранным бельем — смеется: «Попадет от старухи».

— Где же старуха? — На работе! Ей 65 лет, но она работает в колхозе «с темна и до темна». — Ушел дед в байню, приговаривая:

— Больно хорошая сказка про птицу Гаук, надо только вспомнить. Да, мало ли я их пересказал на своем веку. Не люблю только, чтобы засыпали под мои сказки. Чуть кто начнет «колыбаться», я уже вижу и сейчас потрясу⁴ за шиворот.

Уверяю его, что колыбаться не собираюсь. Осталась одна в большой избе — пятистенке. Тикают ходики. На полу яровизируется картофель. Перед окнами куры усердно роются на вспаханном под картошку огороде. Поют петухи к дождю. Как хочется, чтобы дед Ларивон оказался хорошим сказочником, чтобы завтра удачно сделать доклад на заседании актива в сельсовете

---

⁴ Слово «*потрясу*» вставлено сверху чернилами (сам дневник написан карандашом).

и успеть реализовать заем в «Нелайском труженике». Мне еще в Луге сказали, что народ там хороший, отзывчивый. Но ведь трудности послевоенного времени велики. И кое-кто играет на этих трудностях.

Вернулся дед. Он не только истопил «байню», но и сам успел вымыться, а «старухи» все нет как нет. Наконец, является и она, полная противоположность деду Ларивону, маленькая, круглая, вся точно из кружков. Круглый красный носик, круглые розовые щечки, круглые голубенькие глазки, и только седые волосы, выбивающиеся из-под платка, разоблачают ее возраст.

Пришла и начинает командовать:

— В байню, в байню! А ты, дедуля, ставь самовар.

И вот уже мы с ней в байне, где кроме нас моется еще несколько женщин. Стоит сладкий березовый пар. «Наздают», парятся, парят меня и наперерыв сообщают деревенские новости. Бабка, которая стонала в сельсовете, умерла только что. Пойдут ее обмывать, ка[к] только «побайнятся».

Дома дед Ларивон наделал беду: никак не затворить ему было крана, и он выпустил из кипящего самовара половину воды. За этим занятием его застала бабка и, к моему удивлению, не стала ругаться, а ограничилась довольно двусмысленной загадкой, тут же все наладила. Самовар на столе, мои ленинградские «подушечки», хлеб и плавленый сыр тут же. Начинается чаепитие и дед заводит чудесную сказку про Ивана великого русского богатыря. Начал в [пять] часов, а окончил в 1 час ночи. Уже дело дошло до свадьбы героев, я спрашиваю — все? — но он невозмутимо отвечает:

— Еще столько же будет, и, видя мое изумление, раздражается смехом.

Тут уж вмешивается баба Дуня со своей командой: «Спать! Спать. Спать!» Дед Ларивон забирается на печку, мы с бабкой на кровать. Трудовой день окончен, и все засыпают по щучьему веленью.

4/V. 5 ч[асов] утра. Все уже на ногах. Бабка обряжает корову Мильку, топит печку, варит картошку. Мы с дедом на вчерашних позициях. Продолжается сказка по И[вана] в[еликого] р[усско-го] б[огатыря] и заканчивается в 1 час дня. До 2-х дед еще рассказывает мне былицы про водяного, про лешака и про немцев. В 2 часа я делаю доклад на активе сельсовета. Выступает после меня уп[олномоченный] РК ВКП (б) Дмал и пред[седатель] сельсовета. Реагирует актив вяло. Подписываются туго. Что-то будет в Нелайском труженике.

4-го, 6 ч[асов] вечера. Дорога от Заклинья до Нелая местами трудно проходимая. Никитин ушел вперед, а я в двух «омшарах» чуть не завязла. Через жердочки переходить — боялась потерять равновесие, пошла по воде, и покрылись голенища, с тру-

дом выбрались. Дошла до Нелая мокрая, как мышь. Уже издали видны ярко-белые новые крыши колхоза, вновь построенного на бывшем пепелище. Прекрасный материал для агитации за заем. Наконец-то Нелай! Направо 5-й дом Павла Морозова, где я должна остановиться. Дом, как и все здесь, достроен на половину, но добротно: толстый лес, аккуратная стройка. Хозяйка — колхозная кухарка Клава, жена колхозн[ого] сторожа, инвалида, встречает приветли[во]. В доме чистота. Все в вышитых полотенцах, образа, зеркало, на окнах тюлевые занавески. Аппетит зверский (Об этом писать не стоит). Иду в правление, где в 4 ч[аса] д[ня] состоится общее собрание. Помещение правления в бывшей колхозной бане на берегу Нелайского озера. Для бани хорошо, для правления плохо. Пришло всего несколько женщин. Знакомлюсь, беседую пока не о займе, а о песнях и сказках. Общее оживление, М. И. Логинова тут же рассказывает сказку о 12 разбойниках и мачехе. Приходи[т] председатель и говорит, что собрание переносится на 9 ч[асов] вечера. Иду «домой» и валюсь на кровать, моментально засыпаю, но тут же меня будят. Пришла М. В. Логинова рассказывать сказки. Записываю. Вместе идем на общее собрание. Там народу уже много, но почти все подростки и женщины. Ждем мужчин. Сидим час-полтора. Наконец, председатель открывает собрание, боясь, что разойдутся. Делаю доклад о международном положении и незаметно перехожу к значению наших займов и к новому займу. Первым подписывается колхозный пастух Филипп Степанович Иванов на 500 рублей. Основную массу придется обрабатывать в индивидуальном порядке. Женщины пошумели о тяжелой жизни и разошлись.

5/V. Встала до рассвета. Беспокоит, как будет проходить подворный обход. Дописывала слова в сказках деда Ларивона. В 7 ч[асов] утра пришел председатель. Пошли в обход. Нерадостная картина. В большинстве домов давно нет ни хлеба, ни картошки. Едят щи из «стрекавы», правда, подбеленные молоком, и лепешки из черной массы протертой мерзлой и гнилой картошки с отрубями. Дети особенно плохо выглядят. И все же подписываются колхозники, правда, после длительных уговоров. К 9 часам утра охватили подпиской 25 человек на 6 тысяч рублей. Послала с нарочным письмо Ополченному (РК РКП(б)) со сводкой и заметкой для передачи по радио о колхозном пастухе Ф. С. Иванове, передовике займа. Вечером эта заметка уже передавалась по радио. Весь день прошел в обходе дворов и полей. В 2 ч[аса] дня провела беседу в поле с колхозницами, разбрасывавшими навоз и известку. Почти у каждой кто-нибудь погиб на войне — муж, сын, брат. Вместе плакали, а потом и потужили, и собрала я там подписку на 750 руб[лей], которую приняла колхозный счетовод Шура с большими черными глазами и большим же флюсом, тщательно замотанным теплым платком. У бедняжки бо-

лят зубы, и она только помыкивает убедительно, приговаривая: «Да ну же, тетя Дуня, или тетя Феня» — вся ораторская часть падает на меня. К 11 ч[асам] вечера подсчитали наши трофеи (последний обход изб происходил в полупутьмах, керосину почти ни у кого нет. Люди ужинали в густом сумраке, мы всем желали хлеба-соли и получали в ответ «милости просим»). Дальнейшие разговоры были не так-то уж приятны. У моей хозяйки сделали привал. Говорила Москва об итогах реализации займа 310, и мы тоже подсчитывали наши трофеи: 7700 рублей (а контрольная цифра на колхоз — 15 тысяч. Завтра, как говорится, «la séance continue»).

6/V. Опять встретила солнце на ногах. Не спится. У хозяйки полная изба трактористов, приехавших сеять. Спят вповалку на полу, на печке. Народ славный, но не для совместных ночлегов. Поля открыты белым налетом изморози. На озере давно уже кипит жизнь: отпихиваются шестами от берегов, чолны двигаются по ярко-синей глади. Рыбы мало. Холодно. Дописываю слова у деда Ларивона. Сейчас, если не придет председатель, пойду к деду Марку, он хотел рассказать «про немцев и про старину».

Записала от Марка Анд[реевича] Андреева сказы про немцев и про старину, от огородника Ив[ана] Ник[олаевича] ряд сказов. Продолжила вм[есте] с председателем подворный обход по займу. Подписка под [...] до 8 тысяч.

7 / V. Первый теплый весенний день. Подписка дошла до 9950 руб[лей]. Послала отчет Василеостровскому райкому. Зашла к Марку Андреев[ичу]. Он сидел на бревне в своем огороде на самом берегу Нелайского озера и очень мне обрадовался. Я еще вам не все рассказал. И полились былицы. Подошел его брат Василий Андреевич и наперебой стали рассказывать про старину. У Марка речь, как река льется, у Василия — затрудненная речь. Недаром его прозвали «Мунька». В промежуток между сказами Василий поехал проверять свои вятири. Чолон скользил по безмятежному голубому озеру. Марк Андреевич иронически следил за братом. Вы увидите, разве для кошки привезет. А я сегодня с утра на хорошую уху наловил. Наши ерши славятся по всему району, куда слаще, чем с Заклинского озера. Там рыба тухнет, оно мелкое, не боле полуторых сажен и дно илистое, а наше до 7 сажен доходит — вода чистая — глядите. В это время дед Василий пристал к берегу и навстречу ему стрелой вылетел черный мохнатый кот, неизвестно откуда появившийся.

Марк Андреевич рассмеялся:

— Чует добычу.

Василий Анд[реевич] хмуро показал нам корзиночку, на дне которой трепыхались скользкие крупные ерши:

— Вот ведь ворюги. До меня мои мережи вытряхнули, да еще сеть одну перевернули. Где тут поймаешь.

Огорчение помешало ему рассказать ряд былиц «про барщину». Когда я уходила с Маркова огорода, на меня яростно налетел белый петух лонгтан, досакивая чуть не до плеча. Еле от него отбилась щепкой.

Дед вдогонку сказал: «Это паровой, они все такие бешеные, которые из инкубатора, неестественного рождения».

«Бешеный» проводил меня до самой улицы и победоносно закукарекал, видя мое поспешное отступление.

...Все на полях, даже самые древние старики. Вернулась домой, дописывала слова в былицах, написала заявление о пенсии моему хозяину — инвалиду в райсобес. Под вечер пошла на парники к Ивану Николаевичу. У каждого дома звонко и насмешливо насвистывали скворцы. Они одни только и нарушали чрезмерную тишину. Ивана Николаевича застала на парниках одного. Он закрывал матами рамы с капустной рассадой.

— Что же вы один?

— Да баб не удержать, все разошлись. Уж не знаю, как и побеседовать с Вами. Смотрите, какое поле надо покрыть. Часов до десяти работы хватит.

Все-таки он рассказал мне превосходные былицы «Барский клад», «Чудеса причудились», «Завели» и сказку-анекдот «Беспокойная собака» в своей записной книжечке он заранее отметил эти заглавия, которые с трудом разобрал («писака-то я неважный») и сказал, что таких былей и небылиц он может еще нарассказать, было бы время. Да вот времени-то нет. Все-таки назначил мне прийти на парники завтра в три часа дня: «Выберу часок, а за час Вы много напишите. Ишь как у Вас карандаш летает. Я с вечера припомню, что надо, замечу в записной книжке».

Мы дружески расстались. Поздно вечером по очереди приходили ужинать [восемь] трактористов. Приходили бригадиры, председатель. Вообще у моих хозяев своеобразный клуб колхозного актива. Массу вопросов задают о международном положении и проявляют некоторую осведомленность даже в кризисе правительства во Франции.

8/V. Ночь прошла очень беспокойно. Под самыми окнами гудел трактор. Оказывается, один из трактористов, по просьбе хозяина, решил вспахать ему огород и на этой затее попался. Как раз шла проверка постов. На сдворок в 2 ч[аса] ночи пришел председатель сельсовета с представителем от района. Конечно, сняли тракториста с этой незаконной работы и отослали на колхозные поля. Попало сильно хозяину, ночному сторожу, которого нашли на его сдворке около тракториста, а не на охране кладовых. Успел тракторист вспахать только половину огорода. В доме паника. Хозяйка, однако, не падает духом.

Только 5 часов утра, а я уже встала, потому что спать при такой возне и суете невозможно.

Можно уже сделать некоторые выводы о преобладающем здесь фольклорном жанре — это былицы, в которых непременно фигурируют водяной и леший и их козни, причем рассказывается все в твердом убеждении, что все это «истинная правда». О порче, о колдунах говорят тоже как о вещах реальных. Правда, теперь, мол, колдуна не сразу узнаешь, они боятся советской власти, но все же потихоньку могут наделать много бед, и болезнь навести на человека, и падеж на скотину, и присушку и отсушку сделать. Зашла к Марку Андреевичу. Старик сидел на бревне в своем огороде и отдыхал: только что вскопал под картошку сотки три целины. Пот с него лил ручьями. Вчерашний белый петух угрожающе подскакивал к нам. Пошли в избу, и я взяла справку о пропавших без вести дочках Марка, Кате и Клавдии, ушедших в партизаны. Есть сведения, что их отряд попал в окружение. Возможно, что они были в плену и еще не репатриированы. Обязательно наведу в Л[енингра]де справки. От старика пошла на парники, Ив[ан] Ник[олаевич] исполнил свое обещание — 3 часа подряд рассказывал мне. В очень неудобной позе на ящике ок[оло] парников я записывала. Подошли двое слушателей и очень интересно реагировали на сказы и сказки. Все их замечания я тоже записала. Под конец Ив[ан] Ник[олаевич] сделал важные разоблачения о человеке, служившем старостой в тройке и теперь занимающем отв[етственный] пост. Ему в лицо говорят колхозники, когда он начинает оскорблять их, «теперь это тебе не немецкая республика, а советская». Говорит шопотом, оглядываясь, ведь он нас заест, если узнает, что мы жаловались. И в районе никому не говорите, там у него замазано. Только в Ленинграде пусть нас вызовут, мы все подробно раскроем. К тому же он пьяница и за водку все сделать готов. Не скрою — я была положительно расстроена этими разоблачениями. Записала все слово в слово, как записываю фольклорные материалы. Скажу, что провожал меня со страхом и надеждой. «Домой» вернулась в 9 ч[асов] вечера и застала кроме [восьми] трактористов еще новую ночлежницу — учетчицу-латышку Валентину Карловну Вилке. Все ночевали вповалку на полу. Валя, б[ывшая] партизанка, обещала рассказать свою историю, как ушла к партизанам, как попала в плен, как бежала в пути, обещала сказать партизанские песни, «но не при ребятах» (т. е. не при трактористах), а придет ко мне в Заклинье, куда я уйду завтра утром.

9/V. Проснулась от неприятной духоты в 3 ч[аса] ночи и вышла на крыльцо. Было еще холодновато и даже куры и сторожевая собака Джэк спали — одни на насесте, другие — как Диоген — в бочке. Вернулась — просто газовая атака. Однако легла снова и неожиданно заснула и окончательно проснулась под торжественный звон московских курантов (такой ясный, точно звонили в самих Нелаях), под звуки гимна и великолепную

передачу Левитаном приказа генерала армии Булганик к дню победы. Как велика, как могуча наша Родина! Какое счастье быть русским советским человеком. Хозяйка давно уже возилась у печки и вынимала по случаю своего дня ангела румяную ватрушку и булочки, правда из очень серой муки. На столе кипел самовар. Стояла глубокая тарелка с медом в сотах (хозяин вечером чистил улья от остатков прошлогоднего меда), и я давно с таким удовольствием не пила чаю, как в это утро. Рассказывала трактористам о зверском убийстве эсэсовца[ми] Эрнста Тельмана (т[олько] что выслушали передачу) и о беседе Сталина со Стасиным. Как здесь важно правильное политическое освещение события, и такое чувствуешь удовлетворение, что оставляешь по себе дружескую, доверчивую память. Многим, по их просьбе, дала свой лен[инградский] адрес — пусть пишут. Ведь всегда можно тем или иным способом помочь. Это — долг коммуниста.

Простилась с хозяевами и двинулась в путь. Дорога в Заклинье прямая. Там, где я тонула уже нет прежней пучины, но все же воды достаточно. Жаворонки трезвонили так, что Глинке было бы завидно — ведь это настоящий серебряный многоголосый хор — кажется, что и небо, и земля поют вместе. В лесу ковры разостланы — белые поля подснежников. Развертываются душистые березовые листочки. Все молодо, свежо, празднично. Жаль только, что хлеба у меня осталось мало. Придется жить воспоминаниями о клавдиных ватрушках, да и тех, по правде, я стеснялась есть в таком масштабе, как хотелось бы. [Четыре] километра отшагала, солнце палило по-летнему, резиновые сапоги тянули к земле. И вот я в Заклинье. Дед Ларивон режет верхушки у скороспелки и, очевидно боясь, что я оторву его от дела, торопливо говорит:

— Вот сегодня сажаю один, старуха в колхозе навоз возит.

На полу у его ног играет полугодов[ый] внучонок по прозвищу Михрютка (Миша), пускает лужу и орет. Дед беспомощно разводит руками. Беру «Михрютку», завертываю и уношу в сад. Сажусь с ним на скамеечку и начинаю петь то, что певала своим ребятам. Он сначала таращит на меня голубые глазенки, потом жмурится, не то от солнца, не то от моего «кота-воркота», и очень быстро засыпает. За няньченьем меня застанет Евдокия Трофимовна, пришедшая на обеденный перерыв. Она в восторге, что Михрютка заснул. Я осторожно вношу его в избу и укладываю на кровать. Он даже не пошевелился. Нет, я не разучилась еще няньчить малышей. Дед Ларивон и баба Дуня зовут меня обедать, но я категорически отказываюсь — сыта утренним угощением. Дописываю дневник в саду. Дед Ларивон, уходя в избу, говорит: «А ведь когда Вы уехали, я вспоминал, ночь не спал и вспомнил, что не все я рассказал Вам про Ив[ана] В[еликого] р[усского] богатыря. Думал-думал. Что же этот сукин сын стар-

ший делал?! Я Вам сказал, что он в волшебном царстве остался, ан нет, с ним целая история вышла. Вечером расс[кажу]». А баба Дуня подмигнула на деда и сказала иронически: «Еще кумплект». На что дед невозмутимо ответил: «Сказку можно и прибавить и отбавить, это не песня». Вечером ужинали: картошка голью, чай с молоком. У меня был хлеб — остатки. Я поделилась. А завтра — «что Бог пошлет». Баба Дуня ушла к обще[му] собр[анию]. А дед Ларивон совсем расхворался от утомления: посадил один картошку. Голова, спина — все у него болит. Дома нет керосина, и мы в сумраке сидели, и записывала я «кумплект» к Ив[ану] р[усскому] б[огатырю], кот[орый] он препр[нрзб] вариант сказки о дер[евянном] голубе. Вот еще материал для дисс[ертации] Маруси Николаевой. Потом писать стало невозможно, и мы улеглись. Дед на печке, Лариса с Михрюткой на кровати, я на полу. И не слы[шала] как пришла бабушка. Встала в 4 ч[аса] утра. Хоть и не сажала картошку, а спина болит от спартанского ложа. Снова дед расс[казывал] мне про купца Толзина — огромная разница с вариантом Ларисы — здесь, у деда — нако[нрзб], импровизация, у Ларисы все смягчено литературным языком. Опять та же картошка и кипяток с молоком. Хлеба нет. Записываю о пережинках и узнаю, что в Заклинье живет «зажинальщица и колдунья Бондариха», которая «все знает» и может даже, если я захочу, передать мне колдовство. Как не сходить к такой таинственной особе. Вооружаюсь остатками карандашей и отправляюсь с очень маленькой надеждой на успех. Бондариха — суровая тощая старушка с иконописным лицом — ничего не хотела «сказывать». Рассказала из времен нем[ецкой] оккупации «Как я искала сына». В Заклинье народ еще голоднее, чем в Нелаях. Там хоть общественное питание [трет]ий день как организовали, правда без хлеба, но мясной суп и каша. А здесь блаженствует только председатель Алексей Николаевич Павлов, беспробудный пьяница и циник. Он открыто говорит колхозникам: «Вы кто? Я один здесь партиец, один стою сотни. А пить кончу, когда пропью весь колхоз». На счет колхоза незаконно содержит своего шурина, платя ему по сто рублей в день сдельно, как плотнику. И т[олько] вчера после бурного колхозного общ[его] собрания, стал платить... по 50 р[ублей] в день — 1.500 в месяц за обтесывание бревен. Пьянствует и предсельсовета Тимофеев, на котором числится еще активное сотрудничество с немцами. Все это делается в 3-х километрах от районного центра. Надо обо всем расс[казать] нашему партбюро и действовать через депутата Верх[овного] С[овета] РСФСР тов. Харитонова, чтобы он разогнал эту сволочь. Сегодня дед Ларивон говорил мне, что у пре[дседателя] колхоза столько муки, крупы, масла, сала, мяса, что и на грузовике не вывезти, а колхозники живут впроголодь: хлеб послед[ний] раз большинство ело в декабре, а теперь «кто-

что», кто жмыхи, кто морож[еную] картошку — «трахмал» собирают и пекут лепешки. Сегодня вечером я мылась в бане и видела 3 женщин — почти скелетов со вздутыми животами, точь-в-точь как у нас в Л[енингра]де в [19]41—[19]42 году, когда и я имела такой же страшный вид. Они говорят: «Цель[ный] день под ложечкой сосет».

Вечером пришла одна из голодающих колхозница Гутя Федорова б[ывшая] председатель р[...] к[...] колхоза, с новыми разоблачениями председателя колхоза Павлова, вора, расхитителя и растратчика колхозного имущества и денег. Еще материал для Харитоновна. Ребята (внуки) ушли вечер[ом] в Лугу к матери, и я ночевала на кровати — выпалась за вчерашнюю ночь.

11/V. Дед на заре ходил с внуком Колей, прибежавшим ночью, к Луг[е] ловить рыбу — перемерзли и поймали 3 налимчиков и 2 окушков. Трава покрыта изморозью. Хорошо, что яблоки еще не расцвели — померзли бы. С 6 час[ов] утра дед рассказывает мне были — очень поэтичные — весьма близкие к волшебным сказкам со всевозможной чертовщиной. В 9 ч[асов] утра его сменил Коля и рассказал три оригинальных варианта к дедовским сказкам. Он «отлепляет» их от дедушкиных сцеплений. Получаются самостоятельные сюжеты. Карандаши исписаны, бумага к концу, но у меня еще есть перспективы в Луге, куда я сегодня вечером двинусь с облегченной сумкой (совсем без хлеба и каких-либо продуктов) и с портфелем, набитым до отказа сказками. Еще немного и придется заводить для этой цели чемодан, как у Киреевского. Утром опять приходила Гутя. Она буквально страшна своей худобой и голодным блеском в глазах. Бабушка Дуня дала ей пол-лепешечки из подсолнечных жмыхов с чуть-чуть ячменной мукой. У стариков тоже нет хлеба, но есть корова, которая их спасает. Дали Гуте и кусочек жмыха, который она тут же принялась грызть. А в это время у председателя Павлова полное изобилие, вплоть до жареной свинины, и ежедневное пьянство. Если мне удастся привлечь к этому безобразию внимание областных организаций, — как будет великолепно избавить колхозников от всей этой шайки во главе с Тимофеевым.

Обратный путь по шоссе из Заклинья в Лугу был для меня труден, п[отому] ч[то] я шла в теплом пальто, вязаной кофте, трех парах чулок и носков и резиновых сапогах, да еще тащила портфель со сказками и сумку с дорожными вещами, а солнце жарило по-летнему. Все же добралась до тихой пристани — дома Е. С. Галеевой, где переночую и завтра — в Ленинград.

Испробовала на Е. С. Г[алеевой] действие заклинских и нелайских сказок. Она говорит: волосы шевелятся, вот это сказки! Покойный муж мне много читывал (она неграмотная), а таких не читал. А я уже потеряла критерий — то они мне ка-

жуются прекрасными, то самыми обыкновенными. Как прекрасно, например, поверье о слезах кукушки, и как поэтичен рассказ об этом деда Ларивона. И подумать только, что все это взято на поверхности, что если бы обследовать глубины Ленинградской области, то можно было бы найти золотого мастера сказки типа Абрама Новопольцева. Впечатления нужно разложить по полкам и в первый же день передать А. К. Перепеч[е] о злоупотреблениях в Лужском сельсовете. Почему я прохожу мимо райкома РКП (б). Ополченный с его «обрастанием»(?) и грубостью не внушает мне доверия — он не может не знать, что делается у него под боком, и раз терпит такие вещи, значит, нужно искать правды выше.

[Далее написано чернилами]. Все, что видела и слышала, написала в докладной записке 1-му секретарю Вас[илеостровского] райкома ВКП(б), тов. Г. М. Нестерову, а на словах подробно рассказала зав. Отделом агитации и пропаганды райкома ВКП(б) т[ов.] Плюхиной. Она сказала, что тов. Нестеров очень заинтересовался моим сообщением и лично расследует дело о злоупотреблениях в Лужском сельсовете, лично же доложит и товарищу Харитонову. О движении этого дела мне будет сообщать тов. Плюхина. Вот то будет великолепно, если наладится после вмешательства тов. Нестерова нормальная жизнь в колхозах Лужского сельсовета, а возможно и шире — в колхозах всего района.

1/V. Перечитала ровно через год: еще год понадобился, чтобы разобраться в деяниях Ополченного: за злоупотребления с обменом денег во время ден[ежн]ой реформы он снят с секретарей РКЛКП(б) и переведен директором санатория «Жемчужина» в Лужском р[айоне]. «Наказание» довольно мягкое.

[В конце дневника записи карандашом]:

6/V. Анна Андреевна Родионова «Детки об сцепках(?)», а матери об детках».

Ларивон

10/V. Побежишь от волка, нарвешься на медведя.

Далее приводим автобиографический рассказ и три сказки деда Ларивона Леонтьевича Леонтьева, 76 лет, о котором неоднократно упоминалось в дневнике В. А. Кравчинской.

Про свою жисть⁵

Родился я в Заклинье. Заклинье изкон веку Заклинье. Мы раньше крепоснии были у Вильбувы. Большой у них был дом, 36 комнат. Отец мой был у них крепосной. И я мальчишкой был — так помню еще барской дом. Теперь память одне липы остались. После Вильбувы много помещиков здесь переменялось. Как цыганы барышничали, друг другу именье перепродавали: Вельяшевы, Огарёвы, Целибеевы. Немка была еще помещица — Лонго, звали её Лонжиха. Много бар я перевидал. Окончил я приходскую школу (тут у нас погост Смётано. И сейчас церковь существует отделана (только священника нет)). Участвовал я в японскую войну и в первую германскую. Был и в гражданскую взят, только врач освободил, как я был контуженый. В колхоз я вступил сразу, как открылися колхозы в 32 или 33 году. Сказки я все усвоил со слов. У меня была такая память! Со слов ловил ети все разговоры.

Про девушку-отгадчицу

Знаю я сказку очень затяжную, «Иван русский богатырь» — не мене суток надо рассказывать: много в ней сказок за сказку цепляется.

А сейчас хочу рассказать сказку, как был у нас царь, что девушек приводили к нему как на поруганье. А он холостяга был. И этот царь говорил: «Если кто мне будет сказки рассказывать и загадки отгадывать, то я на той женюсь, тая будет моя жена». Дескать, угадай, что я буду делать. Он так надсмеялся над многими девушками. И ни одна не могла евонной думы отгадать. И всем он головы рубил. И вот дошла очередь до бедной крестьянской дочки. Но девушка была очень красавица. И вот она отцу-матери говорит:

— Я сегодняшний день ухожу от вас, а то мне пришлют телеграмму царь-батюшка, а я ничего ему не могу сказать, потому что я человек неопытной.

И вот она решила уйти в пустыню, куда-нибудь скрыться от народу, чтобы ее никак не разыскали. И вот она несколько суток ходила по лесам и в такую глубь забралася лесу — что не зная, в какой стороне родной дом. И продолжала иттить дальше. Ишла-ишла и заметила маленькую-маленькую избушку, в такой пещере построена, что незаметно даже, но она наткнулася прямо

---

⁵ РО ИРЛИ, кол. 118, п. 5, № 3. Сказки и сказы Л. Л. Леонтьева. Колхоз Заклинье Лужского района. Полевые записи В. А. Кравчинской 1947 г. Зап. 03.05.1947 г.

на нее. А в этой избушке жила престрашная волшебница. Вот эта девушка подходит к избы, а старуха выходит ей навстречу и спрашивает:

— Ты, девушка, куда идешь и зачем?

Девушка остановилась околь этой старухи и говорит:

— Я иду скрыться от царя от батюшки своёво.

Вот тогда эта старуха и говорит:

— Ты не бойся, иди обратно, с тобой царь ничего не может сделать. Я тебе дам клубок с ниткой и ты иди и не устрашайся, куды клубок покатится, туды иди вслед за ним. Что тебе понадобится, то спрашивай — он тебе будет отвечать. Не бойся, что он пойдет по озёрам-по морьям, ты иди вслед за ним, не устрашайся ничего. И он тебя приведет в свой родной дом. Как придешь домой — сразу получишь известие, что идти к царю, но ты не бойся, иди смело с этим же клубочком. Когда придешь к своёму царю, то он тебе будет⁶ давать разные загадки, а ты клубочка спроси, он тебе скажет, как надо отгадать. Как раз в это время ты придешь домой (все за клубочком, он у ей будет руководитель по всем делам — это все еще старухино настроение идёт). И каки царь будет давать задания и загадки — ты все бери, выполни в точности. В первую очередь он тебе даст очень тяжелое задание, но ты возмись, не отказывайся, что я к утрею это выполню.

...И вот она ночевала сегодняшнюю ночь у царя-батюшки. Он ей наутро дает задание:

— Иди домой и на завтрашний день явись ко мне, и чтобы ты и шла и не шла, ехала и не ехала, и чтобы была одевши и не одевши.

Она все это взялась выполнить в точности:

— Все буде<т> сделано, как ты говоришь, царь-батюшка!

Вот она возвратилась к отцу, у клубочка и спросила:

— Клубочек, как мне это дело сделать, что мне царь-батюшка сказал?

Тада⁷ клубочек ей ответил:

— Скажи отцу, штобы он собрал несколько человек и пошли бы оне в лес и поймали бы зайца. А ты в это время найди каки-нибудь старые сетки, которыми рыбу ловют (а дядя был ей-ный как раз рыболов).

Она выпросила у дяди сетку и сшила себе костюм из этой сетки. И вот с себя платье, рубашку — все сняла.

---

⁶ В рукописи «б» испр. из «п».

⁷ Здесь и далее в этом слове исправлено сверху чернилами первое «а» на «ог». Мы оставляем первый, карандашный вариант, так как он соответствует полевой записи до внесенной правки и прослеживается на протяжении всего текста.

А ей время подходит, што надо иттить к царю. Она тада етот⁸ сеточный костюм надела, взяла зайца. Сперва несла в охабке зайца (на руках, одним словом). Када⁹ стала приближатца ко дворцу (а царь в окно ее видит), она взяла зайца между ног и за уши и ташит. А у царя были довольно злые собаки (что если в случае она хоче<т> сделать что над ним, он выпустит собак, чтобы разорвали её на куски).

Када он придворным сказал:

— Выпускайте скорее собак: там идет какой-то тип ко мне.

Только с ворот собак выпустили на нее, собаки пустились в полный упор к ней. Эта девушка не растерялася: када вблизи уж стало видно, что собаки вот-вот на нее наскочат — она взяла, схватила зайца за уш да пихи к собакам. Собаки бросились не на неё, а за зайцем. Она в это время прошла к царю во дворец. Он осмотрел ее, что как она одевши, и говорит:

— Вот, говорит, красавица, ты делаешь дело, но только не своим рукам.

Она ему отвечает:

— А што ж, ты за меня ето делал?

Тогда он ей опять оставил у себя нучевать.¹⁰

— Так вот, я тебе на завтрешний день еще новую загадку дам (а клубочек все при ней).

И дает ей царь загадку такую:

— Вот я тебе сварю десеть штук яиц, и ты их свари и принеси мне десеть штук цыплят, чтоб к завтрему были уже вышедши. Она тада ему отвечает<т>:

— Я выполню, а исполни и ты мое заданиё: я тебе пришлю фунт спаренного ячменя, и ты его посеи и обмолоти, и на мельницу свези, и сделай крупы для моих цыплят, то<г>да я и тебе все сделаю.

С вечера она послала ему спаренный ячмень, а утром приходит и спрашивает<т>:

— Готовы ли крупы?

Када она пришла к ему, он ей говорит:

— Голубушка, знаешь што? Ты делаешь дело не своим рукам.

---

⁸ Здесь и далее в подобных словах «е», написанное карандашом, исправлено сверху чернилами на «э». Мы оставляем первый, карандашный вариант, так как он, скорее всего, соответствует диалектным особенностям речи рассказчика.

⁹ Здесь и далее в этом слове исправлено сверху чернилами первое «а» на «ог». Мы оставляем первый, карандашный вариант, так как он соответствует полевой записи до внесенной правки и прослеживается на протяжении всего текста.

¹⁰ В этом слове исправлено сверху чернилами «у» на «о». Мы оставляем первый, карандашный вариант, так как он соответствует полевой записи до внесенной правки.

Она ему на ответ:

— А что ж, ты за меня это делаешь?

Она осталась опять нучевать у него:

— Ну, говорит, я на завтрешний день такое дам заданиё! Исполнишь или нет? Если не исполнишь — то голову с тебя сниму! Вот видишь озеро здесь, а на той стороне церковь. И ты должна приобрести хрустально и сделать через озеро мос[т], чтобы я в церковь мог иттить по етому хрустальному мосту. И посадить разных фруктовых дерёв по обоим сторонам моста. И на етых деревьях чтобы сидели на каждом дереве разные птички. Када я пойду, чтобы оне песни пели. А када обратно из церкви пойду, чтобы фрукты были отцвёвшие, и яблоки были зрелые.

Вот она и говорит ему:

— Ето все будет выполнено в точности как вы прикажете, так я и сделаю.

Вот она приходит домой со своим клубочком и спрашивает <т>¹¹ клубочка:

— Что, как мне ето задание выполнить.

Клубочек говорит:

— Ето очень лехко, только не проспи зари, а на зари мы всё и сделаем.

Вот она просыпается в полунóчь и берет молоток, и пошла туды ко дворцу делать етот мост. Она стоит и грохочет молотом по мосту. И уже мост готовый! И деревья стоят и цветут! И обратно идет — уже яблочки зрелые растут! От она перед самой зарей как начала грохотать етим молотом по мосту, только треск идёт. Всех придворных разбудила своим грохотом. Его самый верный слуга приходит и говорит:

— Ваше императорское величество, мост-то, кажется, сделала она!

Царь тада ему отвечает <т>:

— Я еще пойду посмотрю. Как в церковь отправлюсь. Все ли в точности сделано, а то я с ей расправу хорошую сделаю!

И вот он собралса, обулся, оделса и пошел в церкву по етому хрустальному мосту. Када взошел только на мост, сразу птички запели на деревьях.

— Ето, говорит, все ладно! Как пойду я обратно из церкви, будут ли фрукты поспевшее!

Вот он возвращается обратно — все фрукты поспевшее, што можно кушать их. Приходит он и призывает её обратно во дворец:

— Вот, голубушка, ты все в точности делаешь, но только не своим рукам.

---

¹¹ Здесь и далее в подобных случаях «т» надписано сверху чернилами. Мы всюду даем данное исправление в угловых скобках.

— Да, говорит, царь-батюшка, я не только это дело сделала, я тысячу и одну ночь не спала и тебе трех сыновей принесла.

Тада царь-батюшка оглядел своих сыновей и принужден был взять ее замуж. должён был жениться на ней, потому что по все-му государству извесно, что которая девушка выполнит его зада-чи, на [ней] женитца. Правда, ей все клубочек делал, да царь-то этого никогда не узнал.

Про Ивана-великого русского богатыря

Каждый по-своему с ума сходит. Так и сказки каждый по-сво-ему рассказывает.

Она так начинается, эта сказка про Ивана-великого русского богатыря.

В некоторым царстве, в некоторым государстве, а именно в том, в котором мы живём, у царя был такой созданный закон, что если муж умрёт, то и жену вместе хоронить (она и жива, а все равно вмести клась в гроб и похоронить совмесно).

И вот заболел в одной деревне мужичок молодого возраста. Он недавно только женился и умер. Ну, силы его никто не знал, и он никому не оказывал. От, када он умер, то народ и говорят оне:

— Вот, голубушка, ты испёки себе булок и пирогов на време, а мы тебя с им похороним по царскому закону.

От, собралися люди, сделали гроб для двоих. Эта жона напек-ла себе булок, пирожков разных и говорит народу:

— Вы када меня в гроб положите, сделайте от него трубу, чтобы я некоторое время могла пожить и не задохнуться.

Кресьяне так и сделали: по её просьбы, поставили тру-бу на могилки, чтобы она могла несколько време пожить еще. Положили ее в гроб со своим мужем и понесли на кладбище. И вот вырыли могилу, опустили гроб, поставили трубу, а сами пошли домой.

Несколько дней жона лежала там во гробе. И вот ей что-то захотелось повернуться: так спина заболела лежать, и она лок-тем толкнула ему прямо в левую бочину своему мужу Ивану. Он вдруг и проснулся, умерший Иван:

— Фу, Господи, говорит, как я долго спал!

Она тада и говорит:

— Знаешь, Иван, ведь мы с тобой обоим похоронены!

Он даже не поверил её.

— Что ты говоришь, баба, смеёсса. Я лёг спать, а ты гово-ришь, что я уж похороненный?!

— А если ты, говорит, не веришь мне, то встань, как с кроват-и вставал раньше.

Вот он подумал, что он одеялом закрытый. Взял рукав, а ему даже ничуть не протянуть рука. Он тогда и говорит:

— Да, дорогая жена, мы теперь с тобой погibli!

Жена ему и говорит:

— Ваня, Ваня, попробуй, привстань, может, гробовую доску и подынешь кверху своей спиной.

Вот он тогда повернулся и начинает пробовать, как бы землю поднять кверху этой гробовой доской. Када он маленько встал на коленки и упёрся рукав и начал пробовать подымать землю спиной — вдруг он услышал, что земля подаётся.

— Ну, баба, говорит, может быть, Бог поможе<t>, я подыму всю землю кверху и выйдем на волю.

Вот когда он нажался и всю силу напёрг, доской поднял всю землю, на сторону даже свернул! Када оне стали выходить вон из могилы, она и спрашивае<t> Ивана:

— Куда, Ваня, мы таперь пойдём, домой или куды?

Тада он ей говорит:

— Куда же мы подем?! Мы не умёршие люди! Нас все бояться будут, что мы в саванах одетыи. Лучше, баб, я так думаю, пойдём туды, куды глаза наши смотрят.

Оне пошли по дороге, ближе к большим лесам. Вдруг попадатца к ним старичок, одним словом, копяшка (ну который собирае<t> хлеб). Оне с женой идут несколько времени, не евши (булки уже у них были съедены) — тада он у старичка и спрашивае<t>:

— Дедушка, будь добрый, дай нам по кусочку хлеба!

Ну, старичок диствительно был спуганный таким людям, что в саванах идут: он весь хлеб им отдал.

Он тогда и спрашивае<t>:

— Далеко ли здесь деревня какá-нибудь естя? И как мне попась в деревню, что я заблудивши хожу по лесам несколько время?

Оне ему указали дорогу:

— Тут недалеко, перейдешь через лесок и дома будешь.

А Иван со своей женой пош[ли] в самый большой дремучий лес.

Вот када их захватила тёмная ночь в етом большом лесу, оне напали на маленькую тропиночку, намятую лошадями. Вот жена и говорит:

— Ваня, давай ночевать в лесу. Я замаялась, дальше не могу иттить!

И кстати, пошел дожжик. Оне дошли до такой елки до развесистой, где даже дожжик не мог их промочить. Вот оне легли спать. Жена и говорит:

— Ваня, Ваня, куды ж мы идем?!

— Как у меня сказано, так и идем, куды глаза глядят, отвечает Иван.

В скором времени Иван уснул, а жона не спит. Вдруг слышит разговор и топот лошадиный. Едут шайка разбойников, приближаются ихней ёлки. Она стала толкать Ивана под бок:

— Ваня, стань, хто-то едут.

Он быстро проснулся:

— Молчи, говорит, баба, ни звука не давай, чтобы оне не увидели нас. Ето разбойники едут: оне могут нас убить.

Вот оне проезжают помимо, Иван своей жене и говорит:

— Пойдем наутёк по етой тропинке, таки где-нибудь жилое место мы найдем.

Долго ли, мало ли оне бежали, подбегают на заре как раз ко дворцу. В лесу такой дворец сделан у етих разбойников, и прямо неприступимый. В воротах крепости поставлены два злющих льва, чтоб никого людей не пропускали, опричь только мазуриков. Вот када оне подошли к воротам, львы начали гырчать на них, чтобы не подошли оне близко во дворец. Тада Иван и говорит своей жоне:

— Знаешь что, иди не бойся их: оне женщин очень любят, эти львы, а мущина пойдёт — оне разорвут его. А када ты пройдешь помимо их, прицепи их на крючок близко к воротным столбам, чтобы я мог скрозь ворота пройтить.

Она так и сделала. Стала ласкать их, львы завияли хвостам и оне очень даже познакомились. Она в ето время одново привязала и говорит:

— Ну, Иван, входи! Оне таперь не достанут тебя схватить.

И Иван прошел во дворец. Тада ета хозяйка спустила льва с крючка, чтобы не узнали, что кто-то естя во дворце.

Вот оне входят вовнутрь дворца. Видят накрытые столы разным винам и закускам — одним словом чего только душенька желаёт: пей и ешь. Было двенадцать блюд с кушаньём. Иван с жоной, не торопясь, стали закусывать. И оне ети двенадцать блюд все и свели, недолго думавше. Вот тогда Иван и говорит своей жоне:

— Нам надо сходить все сараи проверить, есь у них здёся склады или што.

И вот оне нашли первый сарай с оружием, а второй нашли сарай с разным продовольствием, одним словом, с разным продуктам.

— Ну дак, баба, ладно, таперя осмотрели всю постройку, давай-ка спать!

А жона и говорит:

— Ваня-Ваня, как же мы пойдем спать, а ты никакого оружия не берешь! Ведь оне перерубют нас на кусочки, што мы всё ихнее кушаньё съели!

Тада Иван вернулся в етот сарай, выбрал себе такой острый меч и тяжелый, что хозяйка и попробовала подымать, так и не подняла етого меча, а он взял. И пошли оне во дворец обратно.

— Ну, куды, говорит, баба, пойдём?

А Иван говорит:

— Пойдем, баба, на чердак — туды лесница есь. А здесь оне нас зарубют.

Вот оне отправились на чердак спать. Иван таким богатырским сном уснул, так захрапел. Что даже стон идёт, как он храпит.

Вдруг ета шайка мазуриков подъезжает ко дворцу на самой на зари. И пошли во дворец, поставили лошадей в стойлы и пришли в свой зал. Атаман первый прошел и видит, что на столе нет ничего — все кто-то пожрал.

— Эй, ребята, у нас кто-то из гостей был здесь!

А его подчиненные говорят:

— Да, был кто-то. Все наши обеды съели. Мы должны готовить внов.

Вот один и говорит:

— Раз ты повар, иди в сарай, принеси свинины, телятины, всего, что надо. Нам ведь пожрать охота. Мы на работы же были!

— Да что ж, атаман, давай хоть по чарке выпьем вина от тошноты (А етот повар кушанье стал готовить для своей шайки).

— Слушей-ка, ты вон еще молодой, пойди пошарь по сараям, може<t>, и найдешь мерзавца, который сожрал всё у нас.

Етот самый разбойник обошел все сарай, даже в байню сходил поискала, ну никого не нашел. Атаман тогда и говорит:

— Сходи-ка наверх, на чердак: нет ли там какого забравшее (ето был молодой разбойник). Вот он и пошел по леснице на чердак. Вот жона проснулась:

— Иван-Иван, вставай скорее, кто-то лезет на чердак. Вот она его тревожит: ну никак не може разбудить.

Вдруг Иван очнулся.

— Что такое?!

— Да лезет! Видишь — голова уже видать с лесницы.

Иван, недолго думая, подходил к етому пространству, схватил его за волосы и етим мечом отрубил голову нараз. Туловище схватил, втащил к себе на чердак (не опустил с лесницы свалитца!).

Атаман посылае<t> второго разбойника.

— Что он с ними в карты играе<t>, что ли? Столько время забравшее.

А ето Иван слышит приказ атамана, што посылае<t> он на чердак еще человека.

Тада Иван стоит около самой дырки, ожидае<t>, когда со второй покажется. И он так стал с левого боку ударить разбойника, чтобы голова отлетела прямо на чердак, чтобы по головы, а тулово он не опустил. И вот атаман их всех двенадцать человек посылал кверху, и ниhto не возвратился.

— Что ж они там, в карты играют, что ли?!

А Иван им всем головы поотрубал!

Тада атаман осталса один во дворце и подумал:
— Надо утёкать. И мне эта учесь буде<т>. От этого страху он садится на лошадь и удрал, куда — неизвесно.

Вот приходит Иван со своёй хозяйкой во дворец, кушанье уже приготовлено. Сели со своёй бабой, выпивают и закусывают — и горя мало.

Прошло несколько времени. Иван захотел байню стопить.

— Слушей, баба, стопи-ка ты байню, а я схожу поохочусь. Ружьев здесь много, може я птицу какую убью на жаркое.

Стала евонная хозяйка байню топить. Приходит Иван из охоты, принес ничего хозяйке. Сходил в байню, помылся, приходца закусил, ложится спать. Баба Ивану (лежат оба) и говорит:

— Знаешь, Иван, ведь я от тебя отяжелела!

— Эх ты, дура-баба, ведь лет нам под сраку, неужто таперь нам детей заводить?

Несколько время прошло, баба родила девочку, а Иван опять:

— Эх, баба-баба, нехорошо ты сделала это. Лучше бы ты родила мне мальчика-сына.

— А ведь пондравится, так и сына принёсу тебе!

Проходит несколько времени — баба опять Ивану говорит:

— Знаешь, Иван, ведь я опять в положении.

— Фу ты, баба, да никак ты обалдела! Да это не вся беда, лишь бы только принёсла да мальчика!

Как раз пришло время жоне: родила, и верно — мальчик! Иван так от восторга сам себя не помнил.

— А где ж мы будем его крестить? Ведь нас люди бояться будут! А знаешь, баба, я его сам окрещу и сам имя дам. Я его назову Иван Великий русский богатырь (Вот тут главная история и начинается, а то все была присказка).

И вот пришлось этому мальчику и девочке вместе расти. Мальчик стал ходить с отцом за охотой. Вот в одно прекрасное време идут оне с отцом домой, и попадается дуб, такой дуб толстой и сучлевастой.

— Вот, говорит, папа, я возьму этот дуб за сук — так и выдерну с кореньём вон.

— Нет, Ваня, ты еще молод — сам себя спортишь! (Не разрешил ему вырвать этого дуба с земли).

Вот Иван уже подросток порядочный вырос. Каждый день оны ходят за охотой со своим отцом. И что раз Ивану приспичило — вот хочет в байню иттить да и всё. И не субботный ведь день...

— Как хошь, стопи сегоднё байню. Я мыться хочу! — не знай к чему: к худому аль к хорошему. Тянет меня в байню. А пока сходим за охотой.

Оне пошли со своим Ванюшкой на охоту, а хозяйка осталась с девочкой байню топить. И вдруг, только оне байню затопили,

являетца такой красавый молодой человек к его жоне в байню. Ну, разговорились, она спрашивает его:

— Кто ты такой и откуда явился?

Он тада ей и говорит:

— Знаешь, кто я? Я — бывший атаман, хозяин етого дворца, а моих подчиненных твой муж перерубил. Вот кто я!

Вот он ей, етот атаман, предложение делае<т>:

— Выйди за меня замуж!

— Да как же я выйду замуж! У меня муж естя!

— А мы мужика твоео уничтожим!

Вот жона Ивана и согласилас[ь] на все ети дела, что он ей сказал. Етот атаман пошел по сараям, нашел волосяной канат и еше трост цинковыи. Приходит и говорит Ивановой жоне:

— Вот я два каната нашел. Ты свежи¹² ему руки назад, када придёт с байны, а я в ето время подойду, голову ему срублю, и будем мы втроем жить с дочкой и с тобой, а я спрячуся в сарае, у меня маскировка естя хорошая, представлюсь старичком-Копяшкой и попрошусь ночевать.

Иван с сыном вернулись с охоты. Вот баба приходит из байни и говорит:

— Идите в байню!

Иван с сыном пошли в байню, вымылись, приходят домой. Вдруг баба к ему обращаетса:

— Иван, а Иван! Знаешь что? Ты сильной. Давай я тебе руки свяжу назад. Разорвешь аль нет?

— А дура-баба! С молóдых лет не шутила, а тут начинае<т> со мной баловать. Ну да ладно! Что с тобой будешь делать. Вяжи, раз тебе охота!

Она стала вязать, а он говорит:

— Да ты гораз мне затягаешь, рукам больно!

Когда она завязала, он только натянулса, а канат и лопнул. Тогда баба говорит:

— Иван, у меня есь цинковый канат.

— Ну да ладно, связывай, что ж ты будешь делать, када ты баловаться вздумала...

Завертела баба ему обе руки цинковым канатом, а сама пошла в байню. У Ивана как раз висела шашка на стене острая-острая. Вот дочка ему и говорит, своёму отцу:

— Знаешь что, у нас теперь молóдый папа естя!

Он тогда видит, что дело — неустойка. Он своему сыну говорит тихонько:

---

¹² Здесь и далее в этом слове исправлено сверху чернилами «е» на «я». Оставляем первый, карандашный вариант, так как он соответствует полевой записи до внесенной правки и прослеживается на протяжении всего текста.

— Достань шашку, запикивай мне за спину, чтобы разрезать этот канат цинковый.

Ну, Иван закладывает шашку востриём к телу, а Ваня-ить глуп еще — не понимает, как повернуть его, но потом догадался — и перерезал цинковый канат. А девчонка еще до того убежала в баню к матери сказать, что отцу каната не развязать. А разбойник был замаскировавшее и ожидал, чтобы наскочить и отрубить голову Ивану. Тада хозяйка приходит с бани с дочкой. У него уж и самовар поставлен. Тут закуска, вино наставлено на столе. Вдруг входит старичок и просится ночевать. А етот Иван отлично знал, что дочка сказала — у нас молодой папа естя — и пустил его ночевать. Вдруг жона и дочка приходят с бани. У Ивана приготовлено всё: и закуска на столе. И приглашает всех:

— Садитесь-ка за стол, давайте выпьем. Наливает дочке стакан вина.

— Ну-ка, дочка, выпей за молодого папу.

Дочка отвечает<т>:

— Папа, ведь я никогда не пила, я не хочу и не буду пить!

А у Ивана приготовлен меч. Он схватил дочь за волосы и отрубил ей голову.

Он предлагает теперь жоне:

— Пей вино!

Жона тоже стала отказываться. Он тогда ей говорит:

— У тебя естя молодой муж, а я заставлю тебя пить!

Он сграбил ее за косу тоже и отрубил жоне голову.

Тада наливает<т> стакан вина етому «старичку» и говорит:

— Ну-ка, «дедушка», выпей! (А он отлично знал, что ето атаман шайки).

Схватил он его за волосы, снял с его маску, и он оказался молодой человек. Он и етому же голову отрубил. Трупы оне с сыном похоронили.

...Вот оне остались двое с сыном, с Иваном-великим русским богатырем! Вдвоем стали жить во дворце. Ходили оне со своим сыном все время на охоту. Сыну было уже к восемнадцать лет. И однажды пришли оне из охоты, и отец говорит:

— Ваня, Ваня, я себя чувствую очень плохо, точно я и заболел.

А тада сын ему и говорит:

— Папа, а если ты помрешь, куды же я пойду, ведь я людей не видал никогда!

— А вот, Ванюшка, как я умру, и ты меня похоронишь, иди туда, куда твои глаза смотрят, а меня похорони. Вдруг, это не в долгом будущем, отец стал болеть так, что уже он в бесчувствии стал и умер. Иван остался один, сын его.

То все была присказка, а теперь сказка пойдет.

Похоронил отца, взял отцовской меч и отцовское ружье на память и отправился в путешествие. Вот он идет лесом. И бе-

жит заяц навстречу ему. Он прицелился только стрелять — заяц вспрыгнул на дыбашки и кричит:

— Иван-великий русской богатырь, не бей ты меня, я тебе пригожуся.

— Ну тада, говорит, иди вслед за мной!

Вдруг попадается ему лиса встречу. Он прицелился, только хотел стрелять, а лиса закричала человеческим голосом:

— Иван-великой русской богатырь, не бей меня, я тебе пригожуся!

— Ну тада иди-ка за мной.

Продолжает Иван путь. Вдруг попадается стречу волк. Он прицелился, хотел стрелять. Волк тоже закричал человеческим голосом:

— Иван-великий русской богатырь, не бей меня, я тебе пригожуся!

— Ну тада иди за мной!

Попадается ему стречу медведь.

— Вот где добыча-то хорошая, — думает Иван, — сейчас я его убью.

Мишка как заревёт:

— Иван-великий русской богатырь, не бей меня, я тебе пригожуся!

— Ну, мишка, иди тада за мной!

Продолжае<т> он дальний путь. Попадается ему стречу кошка.

— Эх, говорит, хошь бы кошку убить.

И кошка закричала человеческим голосом:

— Иван-великой русской богатырь, не бей меня, я тебе пригожуся.

Иван приказал кошке за ним иттить.

Вдруг летит ворона.

— Эх, убью ворону!

Ворона тут закаркала:

— Иван-великой русской богатырь, не бей меня, я тебе пригожуся!

Дальше идет — летит галка.

— Эх, хоть галку убью!

Галка и закричала:

— Иван-великой русской богатырь, не бей меня, я тебе пригожуся!

Пока он и шел, и набирал себе охоту — уже стало темнеть. Ну что Ивану делать! В лесу спать опасно. Хотя и охота есь, но как он молодёй парень, то ему страшновато было. Ну Иван все-таки продолжал путь, все пешо дальше в лес. И вдруг Иван оглядел где-то в лесу огонёк, он и пошёл прямо по лесу. Приходит к етой избушке. Избушка вся огорожена чистоплётom. Он подошел бли-

же. В каменке, смотрит, огонь. Сидит бабушка в етой избушке. Он постучал в окно. Бабушка кричит:

— Если добрый человек, заходи в квартиру!

Иван сам собой был очень красивый парень. Входит он:

— Бабушка, говорит, я ведь не один, у меня естя охота.

— Ай, кормилец, да кака те охота?

— Звери разные и птицы. Ворона естя и галка.

— Ладно, кормилец, и охоте место найдетца.

Стал он ей спрашивать:

— Бабушка, а где ж твой дедушка?

— Ох, кормилец, он давно уже умёрши!

— И ты одна не боишься жить в лесу?

Тада етая старушка ему делает предложение:

— Как тебя звать?

— Иваном.

— Вот, Ванюшка, как бы я была рада, кабы ты был моим сыном.

— Дак ладно! Коли я тебе пондравилса, дак я буду твоим сыном, а ты моёй матерью. Дак вот, мамаша, моя просьба, если до тебя уж добралса. Нет ли мне, чем охоту накормить. У меня есь звери, им надо мясо, а зайцу — качан капусты.

— Дак возьми, сыночек, зарежь барана, мало — двух зарежь. У меня мяса много. Да и зайцу качан капусты найдется.

Иван пошел в сарай, зарезал барана, розрубил на куски и всю охоту накормил мясом, в том числе и птиц, а зайцу дал качан капусты.

— Дак вот, мамаша, ты здесь в лесу живешь... А как твой муж — охотник был?

— Да, да, охотник, он много птиц бил, продавал. Хватало у нас всего.

Пужинали и легли спать. Утром просыпаются — бабушка Ване и говорит:

— Ванюшка, Ванюшка, знаешь что: ведь тут у нас город-то рядом.

— Что же в городе тишина такая?

— Да, говорит, царю-батюшке Змей прислал телеграмму-молнию, чтобы он отдал дочь Змею на пожирание и отправил бы ее к мосту.

Когда ето все сказала бабка, Иван ей и говорит:

— Я покормлю охоту и пойду охотиться на дичь.

— Ой, Ванюшка, иди, здесь дичи массыя, тетеревов, куропаток — мой муж много носил!

Пошел Иван не за охотой, а идет со своим зверям к етому мосту. Подошел так к етому мосту, что нихто не заметил его со своей охотой. А на другой стороны моста была шахта угольная. Вот вдруг приводят царевну к мосту. Там была кровать сделана

ей — все, чтоб ожидала себе смерти. (Вдруг поднялся вот).¹³ Иван подходит к етой девице, к царевне, она плачет. Он и говорит:

— Чего вы плачете, милая?

— Да как же мне не плакать? Мене привезли на пожирание треглавному змею. Будьте добры вы уйдить, а то он и меня, и вас сожрёт<т>. Вы молодой, вы красивый, зачем вам пропадать?

А он говорит:

— Неправда! Я хочу с им побороться.

Вдруг зашумел ветер, по реки заколыхались волны от полету змеинова. Вдруг опускается змей на мост. Ударил хвостом по мосту. Мост так и заходил ходуном. Змей и говорит:

— Фу, черт возьми! Летел только выпить, а тут и закуска приготовлена.

А Иван-великой русской богатырь:

— Брось, дьявольская сила!!!¹⁴ Етой закуской ты подависьсё.

Тогда Змей и говорит:

— Иван-великой русской богатырь! Ты молод со мной сходитьсь на поединок.

— Нет, дьявольская сила, давай сойдемся!¹⁵

Змей осадил назад моста и разошлись. И вот ковда¹⁶ оне сошлись со Змеем, Иванушка как махнул мечом — так сразу три головы отрубил, а царевна лежала уже без сознания от испугу. Иван подходит к царевны и говорит:

— Барышня, не бойтесь, встаньте, больше ничего не будет.

Туловище змеиное схватил, бросил в реку, а эти три головы забирает в руку и царевну тоже берёт<т>:

— Пойдемте, барышня, я вас провожу.

А тут как раз на левой стороны камень лежал, такой большой, как моя квартира. А напротив стояла шахта угольная на другой стороне дороги. А угольщик видал, что кто-то сразился и кто-то выходит из воды. А Иван толкнул ногой этот камень и положил эти головы под камень, а другой ногой толкнул этот камень на прежнее место. Проводил Иван-великой русской богатырь царевну до камня, так что она видала, куда и головы змеиные положит. И тут он с ёй распрощался и пошел опять на мос[т] за соёй охотой, а царевна продолжала иттить домой по дороге. Вдруг откуда ни возьмишь угольщик выскакивает с колотушкой:

---

¹³ Фраза в скобках зачеркнута.

¹⁴ Эти слова сказитель выкрикивает громким голосом (примеч. В. А. Кравчинской).

¹⁵ Тем же громким голосом (примеч. В. А. Кравчинской).

¹⁶ Здесь и далее в этом слове исправлено сверху чернилами «в» на «г». Оставляем первый, карандашный вариант, так как он соответствует полевой записи до внесенной правки и прослеживается на протяжении всего текста.

— Стой, — говорит, — а то убью сейчас! Говори, что я тебя спас!

...Ну что ж! Той надо было соглашаться.

— Ладно, я скажу папы, что ты меня спас от треглавого Змея.

Ну и наказал ей, чтоб ни Боже мой, чтобы она не проговорилась. И пошли оны во дворец. Встретила их карета и встретили, как спасителя, этого угольщика.

Теперь Иван великой русской богатырь забрал свою охоту и пошел домой к своей приемной матери. Мать его спрашивает:

— Сынок, ну как охота?

— Ах, мамаша, ни одной птицы не видал.

— Ну, наверно, такой несчастный час, что не пришлось убить ни одной птицы.

Тада он опять накормил свою охоту и легли спать. Лежат с матерью и разговаривают. Мать и говорит:

— Вáнюшка, ты знаешь что?

— Не знаю, мамаша, ничего!

— Да ведь у нас какой спаситель явился! Змея победил! Колотушкой отколотил змею три головы!

Он ей ничего на это не сказал (он сам себя не выказывал, что это он работает).

Вот наутро мать опять стала ему говорить.

— Опять несчастье у нас. Прислал шестиглавою змей телеграмму царю-батюшке, чтобы вел ему вторую дочь на пожираниё.

— Ох, какая, говорит, неприятная картина...

Вот он утром вставшее накормил свою охоту и говорит:

— Мамаша, я опять пойду за охотой!

— Ну, что ж, сыночек, иди, делать тебе ведь нечего. Прогуляйся! А, может, и убьешь какую птицу!

И он пошел не за охотой, а специально к мосту, спасать вторую дочку царскую. И он разложил охоту по берегу реки около моста, а сам пошел к мосту, ко второй дочке царской. Подходит к ей, а она заревущим слезам плачет. Он спрашивает:

— Барышня, чего вы плачете?

— Да как же мне не плакать! Я привезёна шестиглавому змею на пожираниё.

Стала его умолять:

— Уйдите, вы молодой, такой красавец, ведь он вместо меня вас сожрёт.

— Нет, барышня, я не уйду, посмотрю, какой змей явится вам на пожираниё.

Вдруг зашумел ветер, заколыхалась вся вода по реки от змеинова полета. Опустился Змей на мост, ударил хвостом по мосту, мост весь ходуном заходил. Царевна от страху упала на кровать без памяти.

— Фу, — говорит змей, — я летел только выпить, а тут и закуска мне приготовлена.

А Иван-великой русской богатырь отвечает<т>:

— Брось, дьявольская сила, этой закуской ты подависься.

Тада он закричал Ивану-великому русскому богатырю:

— Иван-великой русской богатырь, ты молод сражаться со мной!

— Нет, дьявольская сила, давай сойдемся и подеремся!

Вот разошлись один с краю моста, а другой — с другой, как раз напротив этой царской дочки у них вышло столкновение. Как Иван-великой русской богатырь маханул своим мечом — сразу три головы срубил. Вторым разом и опять сошлись. Иван-великой русской богатырь так удачно дал ему, что последние три головы срубил мечом, схватил змеиное туловище и бросил в реку.

Стал царскую дочку в чувство приводить:

— Вставайте, барышня, не бойтесь, ничего больше не будет<т>!

Она очнулась, смотрит — молодой человек стоит перед нею. Стала его просить:

— Пойдемте, молодой человек, к моему папаше.

Но Иван-великой русской богатырь отказался.

— Я вас провожу, но только недалеко, до камня. Там распрощаемся, и вы пойдете домой.

Забрал эти шесть голов за языки и пошли с барышней до камня. И он толкнул камень ногой, камень откатился прочь с места. Положил эти шесть голов, зашел с другой стороны, ногой толкнул, камень на прежнее место сел, придавил змеиные головы. Оне распрощались. Когда оне распрощались, она дала Ивану золотой перстень. А угольщик в это время смотрел в шолку, кто это будто с воды ли вышел, неизвесный человек. Когда заметил, что идет эта барышня, угольщик со своей колотушкой выбегает<т> к ей и говорит:

— Ты говори, что я тебя спас. А если не скажешь — убью тебя этой колотушкой.

Она покленулася, что скажет<т> царю, мол, вот кто меня спас от шестиглавова змея. Он берет ей под ручку и идет дорогой. Вдруг подъезжает<т> карета. Оне садятца в карету и приезжают во дворец к царю.

А Иван-великой русской богатырь забрал свою охоту и пошел домой к матери. Вот мать и спрашивает:

— Ну, как охота?

— Ни одной я и нынче птички не убил.

— Ну, значит, выходит такое несчастье твоё.

Накормил охоту. Легли спать. Стали разговаривать. Мать ему и говорит:

— Вáнюшка, Вáнюшка, вот у нас какой спаситель появился: отбил шестиглавному змею головы колотушкой. Вот бы интересно таково человека поглядеть!

Наутро просыпаетца Иван, а старуха уж давно встала и все новости узнала. Она ему и говорит:

— Царю-то батюшке двенадцатиглавой змей прислал телеграмму, чтобы последнюю царскую дочку прислал ему на пожирание.

— Ох, какая печальная картина!

— Да уж такая-то красавица, что, верно, в мире нет такой!

Вот Иван-великой русской богатырь накормил свою охоту, посмотрел, все ли в порядке, и отправился как будто опять на охоту, а сам пошел спасать третью царскую дочку. Разложил охоту поблизости и говорит:

— Ну, охота! Севодня не спать и не дрёмать. Если я только крикну: «Охота!» — вы должны в тую де секунду быть в помощь меня!

Вся охота отвечает:

— Иван-великой русской богатырь, постараемся. Только через губу́ слово — и мы сейчас будем в помощь у тебя.

Он подходит к третьей царской дочери, которая привезёна была на пожирание двенадцатиглавному змею. Она сидит и очень горько плачет. Увидала Ивана-великого русского богатыря и говорит:

— Молодой человек, будьте добры, уйдите с моста, а то сейчас двенадцатиглавый змей прилетит: вместо меня тебя пожрет, а мне жаль твоёй молодости. Иван-великой русской богатырь и говорит:

— Я с им еще поборюся.

Вдруг зашумел ветер, поднялася вода прямо сильным волнам, летит двенадцатиглавый змей.

Царевна от страху упала на кровать и сделаласе без памяти. А Иван-великой русской богатырь стоит поблизости её кровати, поживаете прилета змея двенадцатиглавого. Когда змей прилетел на мос[т] опустился, ударил хвостом по мосту, так мос[т] весь ходуном и заходил:

— Фу, говорит, летел только выпить, а тут и закуска приготовлена мне.

А Иван-великой русской богатырь и говорит:

— Врёшь, дьявольская сила, этой закуской ты подавишься!

Змей закричал:

— Иван-великой русской богатырь!!! Ты юноша передо мной. Уйди с моста!

А Иван-великой русской богатырь отвечает:

— Неправда, дьявольская сила, мы с тобой сойдёмся как следует, и кто еще ково поборе!

И вот, когда оне разошлись, один — на один конец моста́, другой — на другой, охота уже стояла начеку. Когда оне сошлись и сделали сильный удар, Иван-великой русский богатырь как махану́л своим мечом — сразу несколько голов отрубил, а змей в это время ему пронзил правую руку под мышкой. Тогда Иван-великой русской богатырь крикнул:

— Охота, выручай!

Медведь как наскочил, схватил змея и прижал, кошка давай глаза черяпать, волк — когтями драть, а Иван-великой русской богатырь отрубил ему мечом последние шесть голов. И он брос[ил] туловище змея в воду, в реку́, одним словом, и стал будить царскую дочку. Она очнулася — смотрит, у Ивана-великого русского богатыря с подмышки сильно кровь льё<т>.

— Что это с вами?

— Меня змей ужалил под правую мышку.

Она тада свернула носовой платок свой именной. Такая рана была, что она одним платком не могла устепенить кровь, так она три платка свернула и заткнула в ето пронзительное отверстие. Тада Иван-великой русской богатырь говорит ей:

— Ну, барышня, пойдёмте, я вас провожу до камня.

Забирае<т> все эти двенадцать языков, понёс и говорит барышне:

— Обождите минутку, мне надо головы здесь полóжить под камень.

Он тут же камень ногой перевернул, полóжил он эти двенадцать голов, с другой стороне зашел, ногой толкнул, камень сел на старое место, придавил головы. Он стал с барышней прошатца, она стала его звать:

— Поедем, говорит, со мной к моему папы. Карета нас встретит и мы поедем во дворец.

Но Иван-великой русской богатырь ответил ей:

— Я никак не могу поехать сейчас, потому что у меня охота здесь. Может быть, когда-нибудь мимоходом я и зайду к вам навестить вас.

Так Иван-великой русской богатырь пошел к своей охоты, а угольщик выскочил из шахты к этой царской дочке:

— Говори, что я тебя спас, а то я колотушкой сейчас тебя убью. И поклонись,¹⁷ что никому не скажешь ни слова.

Барышня с испугу сказала:

— Кленусь,¹⁸ что я скажу — вот кто меня спас.

Вдруг неподалёко прошли — встречает их карета. Сел ето угольщик с барышней и поехали во дворец.

---

¹⁷ В рукописи «е» исправлено сверху на «я» и зачеркнуто.

¹⁸ В рукописи «е» исправлено сверху на «я» и зачеркнуто.

А Иван-великой русской богатырь забрал свою охоту и пошел к своей матери.¹⁹ Когда пришел к матери, и говорит ей:

— Фу, мамаша, никак не могу напась ни на одну птицу!

Мать ему отвечает:

— Ай, Ванюшка, Ванюшка, ево у нас Господь послал какого защитника. Угольщик трех царских дочек спас: трехглавова змея убил, шестиглавова змея убил, двенадцатиглавова змея убил, всем отбил колотушкой головы!

— Ай, мамаша, я бы рад такова человека поглядеть, что за угольщик.

— Ай, сыночек, говорят он такой сильный, что сказать нельзя. Вот накормил Иван-великой русской богатырь свою охоту, дал зайцу кочан капусты, зверям барана разрубил, с матерью поужинал и легли спать. Утром бабка просыпаетца и говорит своему сыну, Ивану великому русскому богатырю:

— Ванюшка, знаешь, севодне везде в церквах богослужений идет: царь-батюшка младшую дочь-красавицу выдаёт за этого угольщика замуж. После завтрава будет свадьба и обручение — всё сразу.

Он тада у матери спрашивает:

— Мамаша, я хотел бы вас спросить, нет ли у вас денег?

Она и говорит:

— Ванюшка, а на что денег тебе?

— Да я, говорит, хороший музыкант, мне бы скрипку купить надо.

— Ванюшка, дак возьми денег, иди купи! И мне-то повеселее буде жить.

Иван спрашивает:

— Мамаша, а не знаете никакой улицы естя инструментальный магазин, чтоб можно скрипку купить?

Она ему рассказала, что вот на такой-то улицы. Приходит он уж со скрипкой домой к матери.

— Вот, мамаша, я хочу сходить на этово угольщика посмотреть, кто он из себя, какой Геркулес.

— Ох, Ванюшка, куды ты пойдешь, такая сила съехавшее народу на свадьбу! (Мать его не пускала).

— Мама, говорит, я как-нибудь окольным путём мимо публики пройду. Может быть, увижу, а не увижу — что будешь делать, когда народу много. Я накормлю охоту и пойду с охотой, так чтобы меня не задавили.

Вот он пошел в город, взходит с края улицы. Там полно народу, что нечего делать, что в переулке, что на улицы. Иван смотрит — пройтись тяжело и закричал:

---

¹⁹ В рукописи «е» исправлено сверху на «и».

— Ну-ка, охота — медведь, волк за тобой, лисица за волком, волк за лисицей и галка, и ворона, раздвиньте мне дорогу, дайте к самому дворцу подойти.

Как заиграл Иван-великой русской богатырь скрипку свою, как закричал:

— Мишка, вперед!!!

Медведь ковырком в публику да как гыркнет, народ в сторону шарахнулся, за медведем вся охоты, и освободили дорогу Ивану великому русскому богатырю. Вот он подходит ко дворцу со своей охотой, а там идёт обрученьё, и сейчас поедут к венцу. Как раз эта младшая дочка сидит с этим угольщиком на балхоне и заметила охоту. Она сразу спрыгнула со стула и бежать от угольщика к своему отцу:

— Папа, пригласи этого музыканта к нам сейчас же!

Ну, отец послушался дочки. Там на свадьбе были разные князья, витязья, графы разные приглашёны, и как раз музыкант подошел к этому времени. Охоту поставили в сарай, всех закрыли, а музыканта пригласили за стол. Тада младшая дочка и говорит царю:

— Папа, будьте добры, на одну минутку выйдите в соседнюю комнату со мною кое-что поговорить. Оне выходят:

— Папочка, говорит, это не музыкант, а это наш спаситель пришел к нам.

Царь так разочаровался:

— Чем это ты мне докажешь, что он наш спаситель.

— Папа, возьмите врача и разденьте его и посмотрите: у него под мышкой запихано в рану три моих именных платка носовых.

Тада царь-батюшка позвал врача, пригласил чтобы музыканта в отдельную комнату:

— Будьте любезны, разденьтесь, нам нужно вас осмотреть, кто вы такой.

Када он снял с себя все бельё, оказалось, действительно, что под правой мышкой прижженое тело, и запихнуты три именных носовых платка, все окровавленные. Тада царь и говорит этому музыканту:

— Вы моих дочек всех спасли, всех! Скажите, как с этим поступить с угольщиком, с негодяем, который нас обманул?

— Ваше Императорское Величество, разрешите мне с им поговорить. Он сам себя обсудит, какое наказанье дать ему.

Ну, царь разрешил. Вот тогда принесли с него бельё, одели Ивана-великого русского богатыря. Приходит он в залу, где сидят за столом гости, и сидит царевна с этим угольщиком, как уже с назначенным женихом. Вот Иван-великой русской богатырь приходит, садится за стол, берёт свою скрипку и начинает играть и затем говорит:

— Господа! Разрешите мне несколько слов сказать!

Тут все присутствующие лица заговорили:

— Пожалуста-пжалуста!

— А что сделать такому человеку, который не своим рукам дело делал, а на себя сказал? Тут сечас говорят, что угольщик какой-то отколотил колотушкой головы трехголовому, шестигловому и двенадцатигловому змеям многоглавым. Какое дать наказаниё такому человеку, если он врёт?

Угольщик встает и говорит:

— Вывести хорошего стоялого жеребца, сделать снасть и такого человека посадить и жеребца пустить в степь, чтоб он ему размотал все кости.

Тогда Иван-великой русской богатырь говорит:

— Будьте добры запречь каких-нибудь лошадемок доехать до моста, посмотрим, где у него там под камнем спрятаны змеинные головы.

Царь приказал все имеющиеся коляски в городе запречь и подать ко дворцу, чтоб посмотреть, где находятся эти змеинные головы, а этому угольщику подали царскую карету. Приехали оне с младшей царевной туды. И все поехали полюбоваться, что такой богатырь мог ворачать на ту сторону и на другую одной ногой. А тут, пока свита уезжала, привели жеребца и все снасти, чтоб как обманщика посадить и пустить по чисту полю. Подъехали к камню вся свита его величества. Выходит и этот угольщик со своёй будто жонной-царевной из карете.

— Вот, — говорит угольщик, — под этим камнем у меня все головы положены. Да очень просто! Вот я сичас подойду, ногой толкану — и посмотрите.

Вот он одной ногой толк — камень даже и не дрыгнул. Во второй раз, третий раз — камень ни с места.

— Фу ты, говорит, что такое? Неужто я так ослаб!

Вдруг этот музыкант подходит и говорит:

— Слушей, угольщик! Не своим рукам ты это делал. А кто делал — тот и покаже<т>.

Тут Иван-великой русской богатырь подходит к етому камню, толкнул ногой — камень несколько раз перевернулся. Присутствующие лица смотрят — правильно! Змеинные головы все здесь, под камнем лежат. Он же зашел с другой стороны камня, как толкнет — он опять на прежнее место лег. И вот сечас же Иван-великой русской богатырь крикнул:

— Подать сюда жеребца и посадить етого угольщика, кто умел хвастовать и врать! А себе наказанье дал он сам.

И жеребец размотал его всего на мелкие части, этого угольщика. А свита вернулась обратно. Тада ему цар[ь]-батюшка предл[о]жил на этой дочке на младшей жениться. Он согласилсе и говорит царю, что вам буде<т>, папаша, надо послать за моёй

мамашей на благословенье меня. Он рассказал, где, в каком лесу его мать живёт<т>. Дали карету выездного лакея и поехали за его матерью. Приезжает туды карета. Старушка спугалась:

— Батюшки мои! Царская карета пришла! Зачем бы это?!

Выездной лакей водит в квартиру и говорит:

— Бабушка, собирайтесь к нам на свадьбу во дворец.

— Ой, кормилец, что вы, что вы! Я никогда не была и близко окол дворца, а вдруг таперь мне во дворец на свадьбу.

— Да нам царь-батюшка приказал, чтоб я вас привёз!

Старухе делать нечего! Надо повиноваться царскому слову. Вот она оделась и поехала во дворец, а не знае<т>, зачем. Знае<т>, что женитца, а кто — неизвесно. Так, как ей встретили — так чуть ни на руках несли етую старуху за стол к своёму названому сыну. Старуха увидала своёво сыночка, что он сидит с царской дочкой, и она ужახнулася, каким путём он попал сюды. Она слы-хала, что женитца будто²⁰ угольщик, а оказалось — ейный сынок женится! Тут же при ней жениха и невесту благословили и поехали в церковь. Повенчались, и государь передал ему все царсво во владение.²¹

Тада начал Иван-великой русской богатырь поправлять всей своёй странюю. Ну, почему-то правительсво не взлюбило его, верно, потому, что он был мужицкой царь. И были у них такие заговоры, что давай его изведем со свету. Разные манеры оне придумляли: или его обмануть и застрелить, или сжечь на кострах. Етот молóдый государь ничего об етом не знал. Его пригласили на охоту облаву делать и так, что кода поехали оне в одную мес-нось, где много зверей, охотиться со своим, одним словом, подчиненным. У них у всех одна была мысль, что его как-нибудь нужно убить. У их такой был замысел.

— Подведем, мол, так, незаметным способом. Выстрел дадим, как будто по зверю аль по птицы. Оны так и сделали. Ковда его, значит, убили, ну куды его спрятать, чтоб никакова не было сле-ду, чтобы не могли нигде разыскать. А у их уже было приискано место, куды спрятать его. Было двенадцать дубов, очень густы-их и толстых. И вот оне коё-как соорудили гроб ему, а кузнецу заказали цепи, чтобы повесить на эти цепи гроб, чтобы никто не мог его найти. И эти самыи его подчиненныи являются из охо-

---

²⁰ В рукописи «т» исправлено на «д».

²¹ Далее в рукописи в рамке: примечание исполнителя: «„Этую сказку я слышал в германьскую войну от Бориса Юдина, Марины Лесковской мужика, нашего соседа. И Борис помер, и Марина померла еще до немцев. И он до немцев помер. Он улипал несколько сказок к одной. И как складно выходило! Месяцам мог рассказывать одну сказку. И у меня одна за дру-гу цепляется. Вот и сичас пойдё все одне. Слушайте!“». Сбоку помета В. А. Кравчинской: «Сноска. Не переписывать».

ты домой, а государя нету. Жона об етом узнала и поехала спрашивать князя, который с им был. Что где мой муж находится.

— Он пошел вглубь болота и, наверно, там в пучины завяз — мы его больше и не видали (Ответ был короткий от князя!)

Жона тогда своёму отцу, бывшему царю, говорит:

— Посоветуй, батюшка, как разыскать своёво мужа.

Тада её отец и посоветовал:

— Знаешь что, доченька, видь охота его ж́ива, осталась у нас в сарае, мы ее соблюдаем и кормим. Надо испытать у них, не может ли какой из них зверь оказать тебе помощь в розыске своёво мужа.

Царица так и сделала. Пришла к охоте и спрашивает:

— Мишка, не можешь ли помочь моёму горю? Ваш хозяин погиб и не знамо, где.

Мишка ей отвечает человеческим голосом:

— Вот надо, хозяйка, так сделать. Послать лисицу и кошку по деревням, чтобы оне разведку сделали. Кто-нибудь да видал его пропавше.

Так царица и сделала. Посылае кошку и лисицу по деревням разведывать, кто что говорит про молодова царя.²² Кошка и говорит лисицы:

— Тебе одной опасно ходить по деревням, ты пробирайся в деревни ночью, а я, когда бабы начнут обряжаться, проберусь в избы и буду подслушивать, что говорят про государя.

А лисица говорит:

— А я пойду, как стёмнется, в деревню. Окна видь таперь заложены костыгой для тепла, так я заберусь в етую костыгу, ухо наставлю к стеклу и буду слушать, кто что говорит.

Так и сделали. Вот кошка и услышала от одной женщины, что царская фамилия ехала куды-то на охоту, куды-то далеко поехали, вроде как в Красные Горы.²³ (А кошка все на ус мотает:

— Нам, мол, только бы найтить путь, а уж мы там розыщем!)

Вот оне пробежали довольно много деревень. Нет никакова звука про царскую фамилию, что где же охотились.

Вдруг кошка идет белым днем по деревне, как она животная домашняя, и услышала от однова мущины, что охотились неподалёку от ихней деревни, охота была на медведя.

Она тада вернулася к лисицы:

— Охота-то здесь была недалёко от деревни. Наверно мужики знают, где наш хозяин находитца.

---

²² Исполнитель смеется и добавляет: «Как хорошие шпие́ны по-теперешнему» (имея в виду недавнюю оккупацию немецко-фашистскими захватчиками Лужского района (примеч. В. А. Кравчинской).

²³ Колхоз Лужского района, расположенный далеко от Заклинья (примеч. В. А. Кравчинской).

Кошка подмазалась к одной старушке, взошла за ней в избу, а лисица забралась в етую костігу, под окно. Вдруг приходит хозяин етого дома и говорит:

— Знаешь, видь не очень-то красиво получилася охота у царя нашево батюшки.

— А почему, — баба спрашивает, — нехорошо случилось?

— Да ево нечаянно застрелили.

Хозяйка опять егоспрашивает:

— Да как ты узнал?

— Да я был приглашённый в тую ж облаву, мы и видали, как ево убили.

Баба и спрашивает:

— Куда ж ево дели, убитова? Домой свезли, али там похоронили?

— Ево, говорят, я, правда, не могу сказать, где ево похоронили, ну слышал, что кузнецам заказали цепи, чтобы гроб прикавывать где-то к двенадцати дубам, чтобы ниhto не знал, где он похоронён.

Опять мужик и говорит:

— Допустим, в Слопях²⁴ был кузнец Ванька. Он, наверно, знает, где этии дубы находяца.

А лисица всё на ус мотае себе. Ковда встала заря, лисица выскочила из костіги и побежала за деревню. У их с кошкой было соглашение, что где втретитца. Кошка встречаетца с лисцей и говорит:

— Знаешь, я ничего не слыхала!

— А я, — говорит лисица, — все до тонкости узнала. Я ночевала у ёгара под окном и слыхала, как он рассказывал про нашего хозяина.

Вот она и зовё кошку.

— Мне-то нельзя зайтить в кузницу, а ты зайди и узнай, куда оне гроб его повесили и в каком расстоянии этот лес.

И вот кошка пошла к кузнецу и приходит в это же време в кузницу мужичок заказывать подковы и рассказывает, что случилось.

— Вот какая облава была — нещасье. Хорошой был государь, из нашего кресьянского роду, да убили его господа. Видно, за то, что крепосное право хотел унистожить. Я ето хорошо знаю. Я сам цепи ковал для гроба евоннова. Знаешь, недалеко в лесу естя сопка, там двенадцать дубов. Там гроб и качаетца на цепях, на самых верхушках.

Вот оне и помчались туды, кошка с лисцей. Лисицы-то наверх не залезть, а кошка заберетца и все узнае. Прибежали оне к сопки. Узнали оне, что там их хозяин похоронён на пятнад-

---

²⁴ Деревня Лужского района (примеч. В. А. Кравчинской).

цати дубах.²⁵ Кошка залезла наверх, разознала всё и увидала етот гроб в ветвях и побежала обратно в город к хозяйке и долóжила:

— Мы, хозяйка, нашли, только мёртвова, и похорóнен он на двенадцати дубах. Таперь мы отдохнем денек, а на завтра пошлите с нам всю охоту и придетца взять галку и ворону с собой, что оне нам очень понадобятся.

Вот хозяйка накормила всю охоту и отправила в путь за лисцей. Она и пошла по старому следу к этым двенадцати дубам. Када оне пришли, указывае<t> она Мишке-медведю:

— Вот тама похоронённый наверху наш хозяин.

А Мишка отвечае<t>:

— Дак мне на́верх не забратца, я тяжолый. Мне там одному ничево не сделать. А ты, лисица, начинай снизу корни подкапывать, у нас кругом дело подойдет. А вы, ворона и галка, слетайте в деревню на планы, чтобы разыскали бутылочки под живу́ и под мёртвую во́ду.

Ну, галка и ворона полетели. В скором време возвращаютца обратно:

— Нашли две бутылочки себе, одна под живу́, друга под мертву.

Медведь тода им даё<t> распоряжений:

— Мы будем подкапывать пни, а вы лётите за тридеветь земель в десятое государсво, там естя колодец с живой и мертвой водой.

Вот они и полетели. Галка опустилася вниз, а ворона осталася наверху (галка — она любительница по таким местам летать, по трубам, везде найдё<t> себе место). Галка опустилася, набралася живой воды, а со второй бутылочкой опустилася — набрала тоже мёртвой воды. И вот оне в полет отправилися. Галка с мертвой: в клюва́х держали эти бутылочки. И пришлось им лететь через озерко. Навстречу попадаетца большое количество воро́н. Она и каркнула — и бутылочка вылетела прямо из клюва в воду. Вот воро́на и закричала галки:

— Я опустила живу́ воду в озерко́! Что нам таперь делать! Надо вернутца обратно!

А галка говорит спокойно:

— Нет! Полетим до медведя, где оне работают, пни выворачивают.

Отдали лисце етую бутылочку с мертвой водой, а сами стали разыскивать следующую бутылочку под живу́ воду отправи-

---

²⁵ Хозяйка, Евдокия Трофимовна Леонтьева, 65 лет, иронически замечает: «Ты к двенадцати гляди-ка уж три прибавил», на что исполнитель с досадой подает реплику: «Ну да, к двенадцати, а ты уж и прицепилась». (Замечание Е. Т. Леонтьевой свидетельствует о большой известности текста данной сказки) (примеч. В. А. Кравчинской).

лись в полёт за тридевять земель в десятое государство. Прилетели к тому же самому колодезю. Галка опустилась вниз, почернула живой воды и обратно ту же минуту в полете! А медведь и лисица, и волк, и заяц — все ворочают корни, чтобы свалить дубы на землю, открыть гроб и вынуть из гроба хозяина. И как раз к этому времени как гроб упал на землю, подлетели галка и ворона. Медведь разломал гроб, и вынули своего хозяина. Положили тело на землю. Медведь начал sprыскивать мёртвой водой, а после sprыснул живой. Встали хозяин, кричал:

— Фу, Господи! Как я крепко спал!

А лисица отвечает<т>:

— Да, хозяин, ты наве́чно был положенный спать, да мы тебя разбудили. Таперь пойдем-ка домой, к твоей жене. Она нас дожидает<т>!

Приходят оне во дворец. Жона так возрадовалась, что муж явился. Тогда она и говорит своему хозяину:

— Иван, что нам делать с охотой? Оне сделали нам услугу хорошую. Надо их распустить на волю, ничем оне будут сидеть у нас под замком.

И государь приказал служащим:

— Охоту эту накормите, напоите и вон выпустите из сарая, чтоб оне жили по своим мирам.

Пришёл хозяин на последнее свидание к своим зверям попрощатца и поблагодарить их за службу. Ну, медведь отвечает:

— Мы еще не все тебе услуги сделали. Еще тебе должна быть услуга хорошая. Мы две услуги сделали, а третья должна еще быть.

Ну государь так их и оставил. Вдруг опять узнают эти его сотрудники, что государь вернулся.

— Давайте, соблазним его опять на охоту. Мы зря его тогда в гробу на дубах повесили. А таперь убьем и сожгём. Вот тогда следы все пропадут.

И вот как раз в это время входит к молодому государю великой князь и ему говорит:

— Ваше императорское величество! Вот такое-то место нашли лесники — обнаружили много рысей, медведей и разной дичи. Поедемте с нами на охоту.

Ну, как он любитель был ездить за охотой, он согласился. (А у государя были уже три небольших сына). Он попрощался с женой и детьми и говорит:

— Съезжу-ка я на охоту, узнаю их: если оне опять что-нибудь будут делать, я их накажу, как надо.

И вот он отправился с егарям и с кнезьям на охоту. Приехали в лес, развели костры.

— Давайте сядем, выпьем да закусим, а потом уж облаву будем расставлять кругом етова лесу.

Вот государь пошёл на прогулку, пока оне костры разводили. А в етое време один из его приближенных с винтовки его и убил. А у их костры были специально приготовленные, чтобы его сжечь, чтобы не было евонного праху на свете. Принесли и положили на костёр и сожгли государя, а сами вернулись домой. Вдруг государыня узнаёт, что вернулись с охоты, а ейнова мужа нету опять. Она тогда пошла к своей охоты и спрашивает:

— Мишка, где наш хозяин, ты, наверно, знаешь?

Медведь отвечает:

— Нет, я не знаю, надо опять послать лисицу зайца и кошку в розыски. Оне, наверно, разыщут, что куды государь детый.

Кошка опять подлизнулась к одной женщины и вошла в квартиру. И полюбилась кошка хозяйке:

— Ах, какая кошечка хорошенькая!

А она ласкается. У этой хозяйки как раз несколько было приходца мужчин. Один стал рассказывать:

— Да у нас нехорошо! Эки эти паразиты! Застрелили нашево государя и сожгли на костре.

— А вы разве видали?

— Да как же! Мы в лес ходили за дровами и как раз наткнулись на эдакое дело

Тада кошка побежала к лисицы с зайцем и говорит:

— Ну, ребята, давай же искать. Тут недалеко естя поляна, а на ей костры. Давайте искать, пока уголья не развеявши.

И вот оне все втроем побежали. И недалеко от етой деревни костры. Тада лисица и говорит кошке:

— Надо скорей бежать к хозяйки и сообщить ей, что мы хозяина нашли.

Вот оне моментально запыхавше прибежали в город, прямок царицы и говоря:

— Хозяйка, мы нашли! Наш хозяин убитой и сожженой на костре.

Государыня вся заплакавшее побежала к Мишке.

— Помоги ты моёму горю: наш хозяин убитой и сожженой на костре.

Медведь говорит человеческим голосом:

— Надо послать ворону и галку, куды нужно лететь за живой и за мёртвой водой, а вы припасите две маленьких бутылочки под живую и под мёртвую воду.

Вот царица припасла бутылочки. Вот ворона и галка взяли еты бутылочки и моментально полетели в путь-дорогу за живой и за мертвой водой. От прилетат оне к колодцу етому. Галка опустила одну бутылочку, достала мертвой воды. Опустила вторую — достала живой воды и положила обратно к тому месту, где костер. Медведь, волк, заяц и лисица сграбили етую зóлу всю

в кучу, хотя ей у немного было оставше. Вспрыснули мёртвой водой — оказался труп человеческой.

— Труп ето нашего хозяина, — медведь говорит.

Вспрыснули живой водой — государь зашевелилсе.

— Фу, Господи! Как я, говорит, долго спал!

А медведь говорит:

— Навечно ты был похоронённый. Мы сделали тебе третью услугу — распусти нас таперя по домам. Таперя с тобою ничево больше не буде<т> никаких проишествий.

Хозяин их позвал с собой в город, напоил, накормил и распустил. Кто куды думал — тот туды и полетел, тот туды и побежал.

А у етово государя три сына уже подросли. Оне тоже более за охотой любили ходить. И вот оне в одное прекрасное време пошли на охоту. Всё у них как-то неудачно выходило. Нигде не могли никаку зверюшку убить. Ишли оне на охоту все трое и говоря:

— Давайте у папы проситца поехать утешествовать по белому свету. Ето лучше буде охоты, хошь свету посмотрим.

Вот оне пришли домой, сели обедать, отцу и говоря<т>:

— Папа, ты пусти-ка нас в путь, хошь посмотреть белый свет. А то что же. Ходим мы по омшарам да по боровелям ничего не видим, и нас ништо не видит. Отпусти нас — людей посмотреть и себя показать.

От, царь разрешил им поехать, дал всем троим по лошади и по седлу. Оне набрали денег, продовольствия на време и отправились в путешесвиё. Долго ли мало оне ехали по степям. И подъехали на крестовую дорогу. С етой дороги идут три дороги: одная вправо, друга влево и третья прямо. А на етых крестовых дорогах стоял столб с надписям. Оне прочли етые надписи. Вот хто прямо поеде<т>, у тово волк лошадь заес[т], а хто влево поеде<т>, тама под дубам естя лопата, рожок, и все ето волшебницкое, а вправо хто поеде — там естя дворец непреступимый и живет там волшебница, знае<т> все, что есть на свете. Вот оне так и решили. Старший брат сказал:

— Я поеду прямо, я не боюсь волка.

А средний говорит:

— Я поеду влево, разыщу это волшебный рожок и волшебную лопату.

А уж младшему пришлось необходимо ехать к етой волшебницы в правую сторону. И вот так оне и сделали. Разъехались все три брата по разным сторонам, все отправились в путешесвие.

Старший брат недалёко проехал от етова столба, наскочило на него стадо волков и разорвало жеребца. А средний поехал влево, доехал до етого дуба, где были спрятаны рожок и лопата, он там разыскал ети вещи. И вот он когда взял рожок в руки и заи-

грал, вдруг являетца такая неслыханная сила войска, что он даже ужаснулся.

— Ваше императорское высочество, что прикажете нам делать, — спрашивают оне.

Он, обрбевши, сначала ничего не мог им сказать (он никогда не видал такой силы). Подумал и сказал:

— Сейчас вы свободны, можете иттить. Я вызвал вас только для тревоги.

(Нашелся все-таки, что сказать!)

И счас же всё исчезло. Он взял егую лопатку и отправился он дальше путешесвовать. А младший брат все в гору прямо и прямо подымается к етому ко дворцу. Захотелось ему посмотреть, хто там живе<т> и какая волшебница-государыня. И вот он ходил круг дворца. Во дворце нет ни окна, ни двери. Хто же ето там живё<т>? С тоит и удивляетца окол забору. Думает:

— Мне придетца, кажетца, перелезть через забор и посмотреть, естя ли там живой человек.

Он так и сделал. Перелез через забор и очутился во дворце. И вдруг выходи<т> ему навстречу царица:

— Ты какое, молодой человек, имел право попась ко мне во дворец? — закрычала на него сильным, суровым голосом. — Вот ты раз пришел сюды — должбн и женитца на мне, а то я закую тебя в цепи и посажу, как льва, в дверях.

Он тогда дал ей чесноё слово, что я женюся на вас. Тогда оне сели за стол, стали разговаривать о жизненном положении (а она была очень даже красавица). Ну вот, когда оне сидели за столом и разговаривали, вот она ему и говорит:

— Вот, будущий мой муж, твоим братьям очень плохо придитца переживать. Оне в дороге терпят такие нещасья, что уму непостижимо. У однёва волки разорвали лошадь, и он ходит пешком, а другой иде<т>, сам не знаё<т> куда, а у отца вашего на царсво напали враги, объявили войну. Ему ниоткуда никакой нет помощи, чтобы дать на подкрепление войска. Неприятель очень сильный, и войска довольно много, а у вашего отца очень мало осталось войска, так что, дорогой мой муж будущий, надо торопиттца, чтобы вывести отца из етого нещасного положения. Если осталось всего трое сутки, а то заберут и дворец, так что погибнет вся Россия. Надо ускори́ть помощь!

— Да как же, милая, ускори́ть?! Я не знаю, где наша охрана, и как мы попадем туды.

— Нам надо разыскивать второго твоёво брата, который имеет волшебный рожок и лопату. У его столько войск под его руководством, что нихто не може<т> совладать с им!

Он и спрашивае<т> свою будущую жону:

— А как мы его разыщем? У нас строк-то маленькой. И как мы попадём на родину к отцу?

Она и говорит:

— Нам поспать — это минутное дело. Сейчас здесь, а через час будем там.

Тогда он удивился ейным словам:

— Как это? Такую даль, и мы будем через час у отца?!

— А вот, мой дорогой муж! У меня ведь тоже есть что-то! И войско у меня есть, у меня большой флот. Я сейчас сделаю судно. Вот здесь. Сядем и поедем прямо со дворца. Она взяла лист бумаги, очертила, нарисовала пароход, и в это время как раз пришел второй брат к им навстречу (у которого был рожок и лопата). И оне в это время закусили. Оказалось море тут же на месте! И оне сели на судно и поехали на свой родной участок земли. Вдруг ее муж не успел оглянутца — вроде как Москва здесь город стоит, оне уже в два мига очутились на родном месте. Тогда сходя<т> с судна и идут в город, прям к своему родному отцу, Ивану великому русскому богатырю. Тогда отец встретил их и говорит:

— Дорогие мои сынки вы уехали, а пока вас не было — на нас напал враг и разбили нашу всю державу. Вот, ожидаем с часу на час, когда наш последний город возьмут.

(А эта самая царевна позаботилась прежде о себе, чтобы ей повенчатца, а потом уже воевать.) Вот она своему деверю и говорит:

— Пойдемте за город на поле и сыграйте в трубочку (это в волшебный рожок). Вот он заиграл в свой серебряной рожок, тогда явилась такая масса войска со всех сторон, никто не может<т> оглядеть глазам, где им конец, очень много. Эта царевна и говорит:

— Слушей, ты дай мне право командовать войскам — и всего этого врага уничтожу за каких-нибудь несколько часов. Все высшее начальство стояло перед этим вторым братом и требовало приказов — отступить или наступать, что там делать. Он, начальник, и заявил:

— Слушайте приказов моей невестки, что она будет<т> вам диктовать — вы должны это все выполнять.

Ну, она тогда призвала военных начальников и говорит мужественным суровым голосом:

— Господа генералы, я приказываю вам за несколько часов всю эту вражескую армию разбить, чтобы не существовало ей на свете!!!

Заиграла музыка, все это войско пошло в обход, чтобы сделать окружение и никого не выпустить из своей земли. И через несколько часов этот фронт был очищенный от неприятельских войск. После передаё<т> флот, что якобы неприятельской флот сосредоточил массу судов направляет на форты на наши. А у нас флоту мало. Тогда она моментально сосредоточила столько фло-

ту. Что никогда и никто столько не слышал и не видал такой силы судов, и приказала своёму флоту вступить в бой с неприятельской силой. Которы были утоплены сѹдны, а некоторое число были взяты в плен. И в этом числе кончились военные действия.

Стали оне жить по-старому, и все государство стало восстанавливатца по-прежнему, как и у нас таперя. Вот так етим и кончились все военные дейсвия.

И стали оне жить благополучно. Царевна осталась с мужем своим, и при них жил средний брат, а старший брат так и остался в волшебном государстве. (Нет, не так ето получилось со старшим братом).²⁶

<А> Ивана-великого русского богатыря старший сын ушел по прямой дороги. Ушел за тридевять земель в десятое государсво, он прослышал, что естя там у царя очень красивая дочка. И вот он всё ходил по трахтирам, по гостям, чтобы узнать, как ей посмотреть. Вот, один слесарь ли, механик ли — пьянчужка, одним словом, ему и говорит:

— Еслиф ты меня угостишь, то я не только слово хорошее тебе бы сказал, которое для тебя буде<т> полезно, я бы вам такую смастерил штуку, которую никто не видывал, всего из двух досок. Но у меня, сами, конешно, видитё, — я пропивше — ничего нет даже опохмелитца нёчем.

— Ладно, я тебя опохмёлю и денег дам, — говорит царевич.

Вот, когда он денег дал этому мастеру, угостил его, он, недолго думая, поехал на биржу, купил доску половую. Из этой половой доски изобразил птицу особенную сделал, а как он механик был, дак он приложил все силы и сделал из доски такую птицу, что стали летать даже быстрее теперешних самолетов. И вот этот сын Ивана-великого русского богатыря сказал:

— Так вот, голубчик, ты мне покажи, как управлять етой птицей, видь я же не знаю!

Ну, конечно, механик обещал всё управление показать. В воскресеньё, как понятно, не извесно в выходные дни работал механик. Етот механик его пригласил:

— Вот пойдём за город, я тебе покажу всё управлениё.

Стал механик царевичу показывать.

— Пошли. Вот видишь, ета птица. Я сажусь на ей верхом, а ты садись ко мне на коленки. Я тебе всю тайну выкажу, как подыматца и как опускатца, и как полет сделать быстрее.

---

²⁶ Продолжение сказки об Иване великом русском богатыре (примеч. В. А. Кравчинской). *(Я думал-думал всю ночь и вспомнил, какая с ним история случилась. Уж меня и досада на него взяла. Думаю, ах ты, сукин сын, да что же ты там проделывал. Тут и вспомнил все, что с им было. Сейчас вам доскажу. Ето вот)* — текст в скобках в рукописи обведен с пометой «не переписывать обведенного».

И вот, когда оне сели, механик прижал гайку, птица как фукнула — он не успел оглянутца — и городу уже нету — в один миг улетели! Вот он летит, и ему указывает механик, какой винтик как нажимать, как полёт направлять, как быстроту сократить. И вот оне в один миг круг пролетели, возвратились в город оба. Взаходят в гостиницу. Этот цесаревич его возблагодарил так, что он и не думал, что такие деньги получит за свою работу. А цесаревич в этом городе все искал себе должности, что куды бы на место поступить, но никак ему не найтить было подходящее место. Вдруг он где-то услышал, что открываетца новый магазин, требуютца приказчики. Вот он пришел к хозяину:

— Я хотел бы у вас послужить. Я человек торговой, опытной, так что в торговле меня не затрёт.

И вот навезли в магазин разной мануфактуры и етот «приказчик» стал торговать. Он довольно был красивой, цесаревич етот, и вот когда он стал торговать, столько народу стало ходить в магазин, что ни в один другой магазин не идут, а все к ёму. И так хозяин был доволен етым приказчиком, что у него так идёт торговля, что товару не набратца, — очень много народу было у него. Ну, по воскресениям оне никогда не торговали (давал хозяин отдых приказчикам).

А етому не так уж интересна была так торговля, как узнать, где царская дочка находитца. Зная, что где-то на море, и всё. А государь ей специально отправил, чтоб никакие князья и витязья не приезжали ёй сватать. Он не хотел ёй отдать замуж ни за кого. И вот государь отправил дочку с таким условиём, чтобы никто к ёй не подъезжал и никто бы ёй не видал. Вот етот цесаревич узнал, что вот на таком-то море естя сплавной мос[t], у него все там удобства, и сад, и дворец, и дочка туда отправлена. И там няньки и мамки были с ёй только, а из му[ж]кого пола — никого. И вот царевич когда узнал, что на таком-то море она находитца, говорит:

— В следующее воскресенье я обязательно слетаю туды — посмотрю.

И вот, в воскресный день он берёт ету птицу, отправляетца за город, садитца верхом и айда! Отправляетца искать етот пловучий сад, где все удобства сделаны. И вот когда он прилетел туды, — не знаё<t>, как попасть к ней. Облетел несколько раз кругом, видит — окно открыто во дворце. Он слез с етой птицы и вошел в комнату к царевной. Смотрит и даже удивляетца, что такая красавица и такую имеет казнь от отца, что дома не живё<t> и отправлена на море. Долго ли мало он там находился у царевны в спальней, но подходит време — надо ему улетать. Она спала после обеда. Вот он возьми и поцелуй ей.

— Фу! — говорит, какая-то муха села на меня!

А уж он улетел. Она не заметила, кто. Он воротился в тот город и опять стал работать у хозяина приказчиком. И вот он толь-

ко и думает, как бы опять слетать посмотреть эту царевну. Во второе воскресенье прилетел туды к царевны во дворец. Долго там сидел и все любовался на красавицу, а она спала непробудным сном. И маленько ему жарковато стало в одежды. И вот он вынул свой именной платок носовой, утерся, положил на стол и улетел. Приходя<т> няньки-мамки убирать комнату и звать её на прогулку и смётря<т> — платок именной на столе. Какой-то, говоря<т>, из мушин, наверно, приходил на свиданье к нашей царевны (Одна одной рассказывают). Одна старая нянька и говори<т>:

— Надо царю-батюшке доложить, што кто-то к ей прилетает<т> и улетает<т>, а она не види<т> — кто.

Вот в следующее воскресенье он опять думает<т>, как бы слетать туда и посмотреть эту царевну, этот сын Ивана-великого русского богатыря. И вот он полетел на третье воскресенье туды к царевны на пловучей острове. А у него были дорогие перчатки куплены, и кода прилетел туды во дворец, перчатки снял и положил на стол. А она опять спит крепким сном, не просыпается. Кода стал улетать, эти перчатки он забыл, оставил на столе. Приходя<т> няньки и мамки:

— Батюшки мои, перчатки мужские на столе!

Спрашивают, кто к тебе прилётает аль приходит. Она говорит:

— Я никогó не вижу!

— Надо нам обязательно собчить государю, чтобы каки-то меры принять, поймать етого человека, который сюды лётает.

Доложили царю. И царь поехал сам, чтобы узнать, кто ездит к евойной дочке. Ну когда приехал, спрашивает<т> дочку:

— Кто у тебя бывае<т>? Мне доложóно, что у тебя нашли именной платок носовой и мускиё перчатки. Кто? Утверчай!

Она говорит:

— Папа, я никогó не вижу.

И тогда государь возвратился в город и приказал срочно мастерам сделать такую краску, котора бы не смывалась и не сохла, и выкрасить этой краской стул. И сам и отвез этот стул туды, к дочке во дворец. А нянькам приказал строго-настрога следить изо дня в день, чтобы поймать, кто туды летает<т>. Подходит воскресенье, а цесаревич, сын Ивана-великого русского богатыря, думает<т> об этом, как бы туды слетать и с нею поговорить. И вот кода он прилетел, влетел в окошко, садитца на стул, и вдруг царевна проснулася:

— Фу, как я долго спала!

— Ваше императорское высочество я давно уж тут сижу и люблюя вам, какие вы красавицы и тому подобное, — говорит цесаревич.

И она тоже влюбилась в него с первого взгляду. Об чем оне говорили, ето уж им знать. Етому подходит время улетать, при-

казчику. Ну, он улетел, попросшался с ней. Етьи няньки и мамки пришли убирать ее комнату, увидели, что со стула сошла вся краска (как он сидел, он задницей все обтёр). Старая нянька стала ёй говорить:

— Кто ето у вас бывае<т>?

— Да, севоднешний день мы долго беседовали с ним. Он мне рассказал, что он прилетел сюда из России в наше царство и работае<т> где-то управляющим или приказчиком. Он тоже из царской фамилии, как и мы, тоже цесаревич.

Те, возьми, и доложи государю. И вот государь начинае<т> собирать к себе всех людей, чтоб явились к царю в своих костюмах с сёл, с деревень. Народ сошелся. Ну, государь осмотрел: ни у кого етой краски не замечает<т> на костюмах. Вот создал приказ, чтобы изо всех городов все служащие были на смотре и в костюмах. А царевич не подумал, что у него задница вся замазанная у брюк, оделся и пошел во дворец. Вдруг которыи осматривали, оглядели его, что у него вся задница в краски, кричат:

— Ваше императорское величество, поймали одново!

Тогда приводя<т> его к государю:

— Ваше императорское величество, глядите, у него весь костюм перемазан в краске!

— А, ваше императорское величество, таким путем попал, что меня интересовало, что где-то на море естя ваша дочка-красавица, такая красавица, что другой такой в мире нету. Вот я и захотел посмотреть вашу дочку и познакомиться с ней.

Тогда государь и говори<т> своим придворным:

— Арестовать его и посадить! И ее, каналью, привезти с острова (Сечас им расправа будё<т> обويم.)

Вот привезли етую красавицу-царевну к царю. Он ёй тоже посадил, как арестантку, в темницу. И вот он вынес такой приказ, чтобы расстрелять их обоих или, самое лучшее, повесить обоих.

— Приготовьте столбы на площади.

А хозяин етого приказчика очень беспокоился, куда тот исчез, и все хлопочет найти его. Хозяин узнал, что он арестованный сидит и что повесют их на площади в следующее воскресенье обоих. И вот кода вывели их на площадь к столбам, етот цесаревич и говорит:

— Ваше императорское величество! Разрешите мне в последний раз с ней попросшатца! (А у них уже была договоренность, что в случае твой папа буде<т> надрыгатца над нам, так ты садись ко мне на колени и обними меня руками вместо поцелуя, а у меня уже буде<т> наготове этая птица, и мы улетим.)

Вот кода им государь разрешил на пять минут поговорить и попросшатца, а после на шею петлю, и сказал:

— Можете идти поговорить, а после я с вам иначе переговорю!

И вот, кода етая дочка подошла попрошшатца и ухватила его за шею, в ето време как он прижал гайку, как фукнула птица взвилася в воздух, она крикнула:

— До свиданья, папа!

А государь кричит вслед им:

— Хватайтё, хватайтё их!²⁷

А где там «хватайте», когда оне уже во-от куды улетели — к Ивану-великому русскому богатырю! Тут оне уж стали готовитца к свадьбы и послали приглашение и ейному отцу — царю и евонному хозяину магáзина — «приезжайте на свадьбу». Но не приехал! Царь не разрешил никому уезжать из его царсва — потому что был осерчёный на дочку.

И те устроили пир на весь мир, и я там был, пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

Про купца Иголкина²⁸

Купец Иголкин был у нас очень богатый. Торговать ездил всегда за границу, возил товары из-за границы, привозил ценные вещи, в Ленинград, в Москву доставлял разное вещество. И вот у него был свой флот, так что он ни к кому не касался и куды ему надо за границу — он туды и едет. И он славился не только в России, но даже по всем державам, такой промышленный человек. И вот когда он, допустим, в Омерику или куды за границу отправлялся и оставлял жону и дочку дома, то у него был верный слуга, который всем хозяйством правил без него. И приходили коммерсанты неоднократно к етому лакею, и он давал по указанию своёго хозяина массу денег, кому сколько требовалось. Кода хозяин приезжал из-за границы, он ему объяснял: вот такому-то коммерсанту дал столько-то, такому-то столько-то, так что был он довольно верный слуга, который ничего не заначивал от хозяина. И вот в одноё время жена зовёт слугу:

— Слушей, скажи, кода мой муж приедет из-за границы, я очень сильно заболела, так что чувствую сама себя, что очень-очень я слабая.

Тада он говорит:

— Хозяин в недолгом будущем должен приехать, так что вот-вот ждитё.

Вот купец Иголкин через несколько дней приехал на своём флоте с товарами. Привёз товаров довольно много. Коммерсанты об етом узнали, что Иголкин приехал. Приезжают, спрашивают, какие привез товары. Он отвечает<т>:

²⁷ Исполнитель иронически смеется (примеч. В. А. Кравчинской).

²⁸ РО ИРЛИ, кол. 118, п. 5, № 7.

— Мануфактуру привез, перчатки, шарфы́ и прочее разное вещество. Оны все это разобрали и начали торговать.

А жена все болеет. Дале — боле, все хуже делаетца ей. Купец Иголкин приехал домой. Докладáет его слуга верный:

— Ваша жона очень больная, надо что-нибудь делать. Он тут и дохтуров, и профессорóв — всех на ноги по́днел, чтобы осмотрели, чем она больна и чем лечить. Вот один профессор ему и говорит:

— Вот, господин Иголкин, ваша жона долго не может жить. Скоро она умрёт.

— А в какое време?

— А вот определенное време я не могу сказать вам. Через несколько время я к вам приеду, осмотрю её, тогда могу сказать (смотря, как её здоровье буде<t>).

Профессор этот снова приехал, осмотрел её и говорит:

— Она более как дней шестнадцать-семнадцать не проживёт<t>. Должна скончатца.

И вот купцу Иголкину нужно было сильно ехать за границу. Но он не еде<t>, потому что жона должна умереть. И вот как раз подходит тоё время — она умерла. Тогда купец Иголкин похоронил свою жону. А у него была очень красавица дочка. Он и говорит:

— Вот, доченька, ты таперя одна будешь оставатца с моим верным слугом. Что будет нужно — он все для тебя и сделае<t>.

А сам купец Иголкин снова отправился за границу за товарами. Отсюда повёз товару за границу. Там этие все товары распродал, закупил, что ему надо, и приезжае<t> обратно в Ленинград. И вот когда он приехал — растоварил все свои товары, и вот ему что-то стало скучно.

— Дай, говорит, я пойду в тиятры.

И вот он пошел в тиятер, а там три колдуныи. И все оне хотели за него замуж выйти. И вот оне приходили к некоторым знакомым его купцам и просили:

— Вот будьте дбры, как бы нам с купцом Иголкиным познакомитца. Он теперь холостяга, и мы бы с удовольствием вышли за него.

И вот ему сколько предлагали его знакомые купцы:

— Женись! У тебя такое хозяйсво хорощее. Любая, любая пойдё<t> за тебя замуж!

Но он все не соглашался. Все-таки его стали сбивать и сбивать этии купцы, что надо тебе женитца, товарищ Иголкин, у тебя хозяйсво довольно большое — некому следить за порядком. Женишься — всё у тебя буде<t> в окурате, приготовлено и обмыто.

И вот он решил: если мне пондравится которая — я женюсе.

И вот он, значит, пошел в тياتер. Одна там стала ухаживать за ним, другая, третья. Но оне все не очень-то ему ндравились. И вот вдруг откуда-то явилась такая красивая барышня, что он даже влюбился в нее. А етая барышня была сильная очень волшебница. Что она зеркало спросит — что мне сегодня сделать им, завтра сделать — зеркало ей все отвечало. Ну, это зеркало она даже не подумала спросить, кто естя у купца Иголкина в семье, дочка там, или сын. А себя она щитала, что такой красавицы в мире нет, как она красавица.

Когда оне поженились. Он не в долгом будущем опять уезжае<t> за границу с товаром. И вот тогда его молодая жона сидела и скучала без мужа. И забрела с зеркалом поговорить. Тогда спрашивае<t> она зеркало:

— Зеркало, кто естя свыше и краше меня на свете?

А зеркало ей отвечае<t>:

— Свыше и краше тебя на свете естя твоя падчерица.

Вот она слугу верного своёво и спрашивае<t>:

— Слушей, слуга, где она находитца, дочка моёво мужа?

— Она находитца здесь же в доме, только не приказано мне показывать ее никому.

И вот тогда етот самый слуга все выяснил ей, что дочка хозяйская уж барышня взрослая и довольно красивая. Стала молодая жона требовать:

— Покажи её мне.

Тогда он и говорит:

— Вот, хозяйка, показать её я не могу вам, потому что у моёво хозяина приказано, чтобы никого не допускать к ей.

Слуга ушел, а она возьми это зеркало и стала спрашивать:

— Как мне с етой падчерицей поступить? (Она хоче<t> ее извести со свету).

Зеркало отвечае<t>:

— Пошли своёво слугу с ей прогулятца.

И вот она тогда призывае<t> слугу своёво верного и говори<t>:

— Вот, говорит, голубчик, у меня естя просьба до тебя. Я тебе денег столько дам, сколько ты спросишь за свою услугу. Возьми, выведи дочку на прогулку.

Ну, конечно, он пошел, прошлялся с барышней. Ей прогулка пондравилась. Вернулись оне обратно. И опять спрашивает жона зеркало:

— А что ж дальше делать?

Зеркало отвечает:

— Слуга согласился с ей гулять, так пусть он ее на етот раз уведет в лес, убьет, вырежет сердце, а ты его зажарь и съешь, и будешь всех на свете красивей!

Она все эти условия слуге передала. Дескать, убей её, сердце вырежи и мне принеси. А я уж тебя за ету услугу озолочу, денег

дам, сколько пожелаешь. И вот тогда слуга все-таки смутился на эти деньги. Говорит он барышне:

— Ну, барышня, пойдёмте за город погуляем!

Та, конечно, ничего не знала, пошла с ним. И вот идут оны по траве: там цветы разные кругом, птички поют. И вдруг он ей говорит:

— Барышня! Знаешь что? Я хочу тебя убить. Вот меня новая твоя мать просит и даё<т> такую массу денег, чтобы что во что ни стало я тебя убил, сердце вырезал бы и ей отнес.

Ну, девушка не растерялась от этого страху!

— Вот, говорит, пойдём дальше. Попадётца собака большая, ты возьми, убей её.

И только она это проговорила. Бежит им стрелу большая собака. Барышня свою речь продолжает<т>:

— Убей эту собаку, вырежи сердце, заверни в платок, снеси мачехе и скажи, что вот я убил и принес вам сердце от нее. А меня пусти, я пойду в лес, куды мои глаза смотрют.

Я не вернусь больше к вам.

Так этот самый верный слуга и сделал. Она пошла в лес, и приняли ее в лесу 12 карликов в свой хрустальный дворец, а он пошел домой. Приходи<т>, виду никакого не показывае<т>. С таким восторгом показывае<т> сердце, говорит:

— Вот, хозяйка, я убил её.

Она возрадовалась:

— Ну ладно, говорит, молодец! Свое дело исполнил, я заплачу тебе.

Он только спросил эту свою хозяйку:

— А как мне говорить нашему хозяину, куды дочка деласи.

— А ты скажи, что она попросилася гулять, я, дескать, выпустил ее, а она ушла и не вернулась. Одним словом, соври!

Вот он так и сделал. Приезжает купец Иголкин, сразу спрашивает об дочке. Слуга отвечае<т> без запинки:

— Да она ушла на прогулку и потерялась. Или украл кто, или убил — мне неизвесно.

Вот, купец Иголкин сейчас же отправился в свой ближайший участок полицейской и делае<т> заявление:

— Вот пропала у меня дочка. Будьте добры разыскать её.

Но как полиция ни старалась, не могли разыскать её. И вот купец с такой досады и тоски не знае<т>, что делать. Сидел-сидел дома и говорит своей хозяйке:

— Поедем хоть в тياتры. Проведем время повеселее, я очень соскучился.

Тогда эта моладая хозяйка, когда собралась ехать в тياتер, бере<т> своё зеркало и спрашивае<т>:

— Зеркало, скажи мне, кто есть свыше и красивее меня на свете?

Зеркало отвечает<т>:

— Свыше и красивее тебя естя твоя падчерица.

Она тогда и думает<т>:

— Как же так?! Видь она убита по моему приказу и сердце вынуто, и я его съела...

А зеркало отвечает<т>:

— Нет! Ты не ее сердце съела, а собачье. Это собака была убита у твоёго верного слуги.

Тогда она бросилась в тоску. (Виду хотя не показала.) Поехала с мужем в тиятры, а сама все думает<т>, как бы мне узнать, где она находитца. Она опять же зеркало спросила:

— Зеркало, а где моя падчерица находитца?

Зеркало отвечает<т>:

— Твоя падчерица находитца в государсве карликов. Она у двенадцати братьев старшей сестрой. Оны ее очень сохраняют и соблюдают лучше как сестру родную.

Тогда она вторично спросила зеркало:

— Чем ее можно извести со свету?

Зеркало отвечает<т>:

— Ты начини разным ядом груши, яблоки, конфеты, пряники и пошли торговку к ей с етим фруктам.

Тогда она нашла такую торговку, которая согласилась:

— Долго ли, скоро — я к ней доберусь!

Тогда оны запустили разных гостинцев, разных фруктов, начинили ядом и послали туда, в государсво карликов, в хрустальный дворец к етой падчерицы. А карлики ей наказывали:

— Сестрица наша, ты смотри, ни от кого никаких гостинцев не бери. Что тебе только надо — мы принесём.

И вот она всегда так и слушалась своих братьев-карликов. В ето время приходит етая торговка с фруктам. А у етих двенадцати братьев был дворец построен чистого хрутсаля — так что поглядеть близко — и всё видно, что там находитца. И вот пришла этая торговка:

— Барышня, барышня, купи, что тебе надо. У меня всяких гостинцев много: вот груши, виноград, яблоки!

Она говорит:

— Нет, я ничего брать не буду.

Торговка ушла (раз она не берет, что ж ей там делать). Вдруг пришли на обеденный перерыв все двенадцать братьев. Она и говорит:

— У меня только что была торговка приходчи, предлагала всяких фрухтов и гостинцев.

— Слушей, сестрица, ничего не бери, ни из фрухтов, ни из одёжи. Что тебе надо — мы все сами принесём (потому что они очень любили её и опасались, как бы ей кто не повредил).

И вот этая торговка приходит к своей хозяйке, молодой жоне купца Иголкина, и говорит:

— Никак не соблазнить твою падчерицу. Не знаю, чем могу её угробить.

Тогда жона купца Иголкина берёт опять зеркало и спрашивает:

— Зеркало, а зеркало, скажи пожалуйста мне, чем ее можно извести со свету?

Зеркало отвечает:

— А вот ты купи такое красивое шелковое платье, чтобы красивее в мире не было. И вели его наспиртовать. Она как увидит это платье — так и соблазнитца, оденет его, сразу уснёт и будет спать, пока это платье не сотлеет на ёй.

Тогда молодая хозяйка и стала искать таких людей, чтобы они это поручение могли исполнить. А в этое время падчерица попросила своих братьев-карликов, что сделайте мне кроватку (она ведь была высоково росту, а карл[ики], как известно, маленькие и ихние кроватки были ёй малы). И вот оны пошли на работу на свой хрустальной завод и отлили там для своей сестрицы очень красивую кровать хрустальную и по размеру её, какой размер нужен принесли, поставили, она примерила — очень хорошая кроватка. На следующий день братья ушли как всегда на работу, а она осталась опять одна во дворце. Приходит эта самая же торговка, несколько платьев у ей в чемодане:

— Барышня, купите платье, говорит, видите, какие платья шелковыи, самые модныи.

Ну она не решается купить:

— Нет, я не могу, у меня при себе денег нет. Дождайте, когда братья придут с работы, спрошу у них денег и куплю.

— Дак чем дожидать. Вы примерьте хоть одное платье, которое вам лучше подойдет.

Барышня это самое красивое платье и одела на себя. И вдруг падае и усыпае. А этая торговка (некогда дожидать братьев!) давай наутёк и убежала от неё. И вот приходят братья на обеденный перерыв с завода, видют, что ихняя сестрица в прекрасном платье одета лежит не то уснувши, не то умёрши. Оны ей стали будить и никак не могли разбудить (раз она усыпленая). Тогда старший брат пошел в город, пригласил докторов, чтобы узнать, умерши ли она или так уснувши. Врач пришел, осмотрел:

— Правды, говорит, она умёршая, а по виду нельзя сказать, что она умёршая, потому как цвет лица у неё нисколько не изменился. (А она спит с Богом!)

И вот тогда братья тут заплакали-зарыдали. Старший говорит:

— Ну, что ж, братья, пойдём на наш хрустальный завод. Отольём гроб хрустальный и поставим так, чтоб завсегда видеть её, близ стола (чтоб на глазах была у их). Так оне и сделали.

В это время в Ленинграде жил царь, как у нас был Николай. И был у него сын. И любил он на охоту ходить. И вот в одно прекрасное время пошел он в лес со своим егарям охотитца, и дошли оны до королевства карликов и заметили блеск постройки. Этот наследник стал звать своёво ёгаря:

— Пойдем-ка! Вот там блестит какая-то постройка. Что-то такое там естя. Интересно посмотреть!.

Вот оны пошли. Вот проходя близ этого дворца. Видют — постройка хрустальная.

— Пойдем посмотрим, что, говорят, за дворец. (Заинтересовался наследник.)

И вот когда близко подошли, смотрят — стоит в зале хрустальная гробница, и в ней лежит такая красавица, что в мире нет такой красивой. Посмотрели оны с егарям и пошли обратно. Царевич шел задумавшись:

— Да, егарь, какая красавица умёрши и лежит, как живая.

Приходши домой с отцом разговорился наследник, но он отцу ничего такого не рассказывал, а сам все думает. И одна была у него дума, как бы укрась ету красавицу. Тогда он обдумал:

— Как я ей украду? Ведь надо буде<т> подводу, и отец узнае<т>, что я привёз покойницу. Надо сделать окуратнее, чтобы отец не узнал. Спрошу, думает<т>, у отца лошадей: егарю лошадь и себе, и поедем как будто на охоту на лошадях, а оттуда захватим етот гроб с етой красавицей.

И вот оны подъехали к хрустальному дворцу, дождалися время такого позднего. Как пошли оны туды, во дворец, и вынесли эту гробницу с етой барышней. И там были снасти у них поставлены, чтобы ей лёгко было взять в сёдлы. Коё-как, собравшие с силам, подняли етот тяжелый гроб на сёдлы, сами держат. Сели на лошадей и поехали вдвоём. Ехали в такую позднюю ночь, что ни один человек их не встретил нигде. Приехали ко дворцу, сняли гроб с сёдел и внесли к нему в комнату, к етому наследнику. И он не стал с тех пор никого пущать в свою комнату — ни подметать, ни убирать — никого не пущал, а сам ходил чернее тучи. И на охоту не стал ездить. И вот государь думает<т>:

— Что ето мой сын? Или больной или что? Не стал никуды ходить, все дома сидит, попьет, поест и опять к себе в комнату.

И вот царь спрашивает<т> горничных:

— Слушайте, вы ходите к моёму Лёше, убираете?

— Нет, ваше императорское величество, комната всегда на замке. Мы не бываем у него.

Вот тогда государь приказывает<т> обязательно там убрать и пол помыть.

— Чтобы он пустил вас в комнату! Нет ли у него кого приведенного туды?

И вот пришли поломойки. Эта горничная стучит в дверь:

— Лёша, Лёша, пришли поломойки, откройте комнату, папаша велели пол вымыть у вас!

Но он не пустил. Тогда оне приходят к государю и докладывают:

— Ваше императорское величество, Лёша ни в какую не пускае<т> нас к себе в комнату пол мыть.

Государь подумал:

— Нет! Я сам добыюсь! Ужели у него кто-нибудь тама естя, что никого не пускае<т> в комнату!

И вот государь позвал его обедать. (А сам думает<т>: «Пойду, узнаю, что у его тама естя!») Когда сели за стол, и наследник сел, государь встал и пошел к ему в комнату. Не попась! Замкнуто... И вот, когда оне пообедали, Лёша пошел в комнату, и государь за ним. Он оглянулся, что отец идёт, и говорит:

— Папа, делать тебе у меня в комнаты нечего.

— Нет, нет, Лёша, открой!

Надо отцу покоритца, и вот когда государь вошел в комнату — стоит гробница и в ней лежит мертвец: такая красавица, что даже государь удивился такой красоты. И вот государь сел на стул, и Лёша рядом, и государь спросил:

— Откуда ты достал такую красавицу и в такой прекрасной гробницы? Такой гробницы нигде я не видал.

— Да, папа, когда я ездил на охоту, натолкнулся на карликов дворец, и вот у их, во дворце, нашел там красавицу умёршую.

— Вот, Лёша, говорит государь, хотя она красавица, но она — мертвец. Гробницу надо открыть, ее раздеть, вымыть и похоронить по нашему обычаю.

И приказал своим служанкам:

— Идите к Лёше в комнату и вымойте красавицу мертвую. А мы ей уж сделаем гроб, который буде<т> по своему вкусу.

И когда открыли гробницу, принялись этии служанки мыть ету красавицу. Лёша в ето время ушел. Когда вынули ее из гроба, стали платье раздевать, рубашку стали снимать — вдруг она проснулась.

— Фу, Господи, как я долго спала! Как то все случилось?

Бросились служанки бежать и комнату не закрыли, так и убежали. А эта красавица оглелулася на себя, видит — вся голая. Ну куды ей бежать? Куды? Она встала и в платяной шкап и спряталась. А эти, которые были назначены мыть её, прибежали к государю и говоря<т>:

— Ваше императорское величество, покойник-то оживился!

Вот тогда государь, недолго думая, говорит:

— Пойдемте туды!

Служанки говоря<т>:

— Она голая.

Приказал государь сечас же своим снести одеть её хоть бельем. А после, говорит, я откуплю, вам отдам. Ну, так оне и сде-

лали. Принесли для ей белье и платье. Государь приходи<t> в комнату:

— Где же она? Ей нету! Поищите!

Открыли шкаф. А она там совсем сконфузилась.

— Фу, Господи, закройте, закройте меня, ведь я голая!

Ну, ей сейчас же белье и платье подали. Она оделась и вышла. Государь ей спросил:

— Может, кушать хотите?

Она отвечает:

— От этого я не откажуся.

Позвали ей в столовую кушать вместе с государем. (Конечно, она была уже одетая.) Тогда за столом государь стал ее спрашивать:

— Вы, барышня, такие красивые, у моёво сына приведенные Алексия. (И Лёша здесь.) Скажите, откуда вы и кто ваши родители?

— Я, говорит, здешняя, петербургская, и уроженка петербургская. Мой папаша — купец Иголкин.

И тут она рассказала всю истинную правду, как мачеха её хотела загубить, как попала к карликам в лес. Тогда все сразу ахнули:

— Вот она чья дочка!

А Лёша и говорит:

— Вот, папа! Я на етой барышне женюся, чтобы во что ни стало!

Ну, государь разрешил ему. И вот тогда государь говорит:

— Лёша, а как же таперя мы будем приглашать на свадьбу твоёво тестя.

— Мы ничего не скажем будущему тестю, а пригласим на свадьбу с евонной жоной.

Это, недолго думая, быстренько назначили день, когда буде свадьба, и огласили всех князей и графов на свадьбу, и в том числе купец Иголкина со своей жоной. И вот Лёша и говорит:

— Папа, а какоё наказаниё сделать Иголкиной жоне, что она так надрыгалась над моей невестой?

— Ладно, говорит государь, мы сделаем ей в подарок хорошие туфли.

И вот тогда государь приказал отлить на фабрике такие туфли шикарные, красивыи и чтобы два туфля не менее весом были как двенадцать пудов. Так и сделали. Объявление, значит, вывесили. Все съезжаютца на свадьбу к наследнику, и купец Иголкин со своей жоной. А та не спросила волшебное зеркальце, а прямо отправилась с мужем на свадьбу во дворец. (Не знали оне, что падчерица во дворце находитца.) И вот, когда оне приехали, к свадьбы уже все приготовлено, и места для них назначены, и уже туфли около стула стоят. Тогда пригласили их за стол,

угостили их как следует. Когда отобедали, музыка стала играть танцы. Пригласили все танцевать, подошла очередь до купца Иголкина.

Тогда государь и говорит:

— Будьте добры, дамочка, вам подарок от моего сына. Оденьте и пойдете с мужем плясать.

Она только ноги сунула — хлоп! Защемило ноги и уж этих туфель не снять никогда! Когда она хотела встать — ей и ног не поднять кверху. Когда танцы отошли, пришлось купцу Иголкину ломовую лошадь взять, чтобы свою бабу отвезти домой. И тогда на отъезде этот новый зять сказал купцу Иголкину:

— Вы таперя мне являетесь по вашей дочке папой. Это ваша дочка, которая была изогнана со свету вашей супругой. И за это ей дана такая кара, что этих двенадцатипудовых туфель ей никогда буде<т> не снять.

Так и остались оне после свадьбы жить и поживать и добра наживать.

(Примечание исполнителя: «А вот моя внучка Лариса рассказывала вам про купца Иголкина — это кто как умеет<т> врать. Она от меня только раз слышала и вот по-своему и соврала. А все-таки я слушал — тоже складно у ей выходит. Подростет ещё и не так расскажет! Ето у нас в породе — сказки сказывать»).²⁹

<Сказки мои со мной не умрут...>³⁰

Сказки мои со мной не умрут. Вот внучонок помнит некоторые, внучка тоже, другие ребята приходять<т> слушать. Внуку тринадцатый год. Внука зовут Николай Михайлович Антонов, в четвертом классе. Рассказывал я ему про Ивана-великого русского богатыря, никак не мог договорить до конца. Только до угольщика доходил, а дальше уже нет. Все из головы у меня вылетает (А вам рассказывал, так вспомнил.)

Я раньше много знал сказок. Я на фронте месяцам проводил време в етых сказках, вот с етим Борисом Юдиным. Севодне он расскажет, а я всю перейму точка в точку. Потом другим расскажу. Вот про птицу Гаук я тоже от Бориса слыхал. И про Кощей Бессмертного он рассказывал. Много длинных таких сказок говорил. [...]

---

²⁹ После скобок примечание В. К. Кравчинской: «Не переписывать».

³⁰ РО ИРЛИ, кол. 118, п. 5, № 4.

ОГЛАВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ КОЛЛЕКЦИИ³¹

1. Про свою жисть (былица) *автоб[иография]*.³²
2. Про девушку-отгадчицу (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
3. Про Ивана Великого русского богатыря (сказка)
4. Сказки мои со мной не умрут (к биографии деда Ларивона) *автоб[иографический]* сказ
5. Про крепостное право (быль) *автоб[иографический]* *ск[аз]*
6. Осек (былица)
7. Моя любимая работушка (былица) *автоб[иографический]* *ск[аз]*
8. Про водяного (сказ)
9. Про лешего (сказ)
10. Человек в омшари (былица)
11. Про двенадцать разбойников (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
12. Про бабину да про дедову дочь *ск[азка] в[олшебная]*
13. Боялись немцы партизан (сказ) В. От. В.
14. Ученый парень (сказ) *В. От. В.
15. Почему Заклинье уцелело (сказ) В. О. В.
16. Про Неллеса (сказ) В. От. В.
17. Аленький цветочек (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
18. Про царевну-лягушку (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
19. Как нас расстреливали (В. О. В.)
20. Приметы (народный календарь)
21. Деревня трех господ (былица) *предание*
22. Неотмолённый грех (былица) *предание*
23. Как надо коров в Егорьев день выгонять
24. Ворожейка отворожила (былица)
25. Жонка спортила (былица)
26. Как у нас колдун ночевал (былица)
27. Нашет порчи (былица)
28. Об рыбы (былица)
29. У глухого озерка (былица)
30. Хозяин рыбу перегоняет (былица)
31. Про спорченную (былица)
32. Вот что в лесу бывает (былица)
33. Про Гордю-колдуна (былица)
34. Приметы
35. Про колдунов и про колдунишек (былица)
36. Маленько про себя (сказ)
37. На Самсона-сеногноя (приметы)
38. Про Юрика³³ (сказ) *легенда*
39. Про светопреставление (сказ) *легендарная сказка*
40. С малолетства я охотник (былица) *автоб[иографический]* *с[каз]*
41. Про царскую охоту (былица) *сказ*

³¹ Расположение в коллекции не соответствует оглавлению В. А. Кравчинской.

³² Здесь и далее курсивом отмечены надписи на полях чернилами.

³³ Имеется в виду Рюрик (примеч. В. А. Кравчинской).

42. Привидения бывают (былица)
43. Тропа утопленника (былица)
44. Как я русалку видел (былица)
45. На Луги-реки (былица)
46. Родительское проклятие (былица)
47. Про власовцев (былица)
48. Как барин деда Мосю на собаку променял (былица)
49. Наш Нелайской шут Балакарев (былица)
50. Мимо барского двора без шапки (былица)
51. Про баршшину (былица)
52. Чудеса причудились
53. Барский клад
54. Завели
55. Беспокойная собака (анекдот)
56. Про дурака Ванюшку (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
57. Про золотую рыбку (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
58. 14 частушек
59. 3 считалки
60. Партизанская песня «Дул холодный порывистый ветер»
61. Партизанская
62. Я пулеметчиком родился
63. Шли три героя
64. Колхозная — дед на пече
65. Про чудесные ягоды (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
66. Про братца и сестрицу (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
67. Другой раз не чуди (былица) *пред[ание]*
68. Как Деляга чертей возил (былица) *пред[ание]*
69. Про беспокойную жонку (былица)
70. Про хитрого мужика (былица)
71. Как я от карателей спасался (сказ о В. О. В.)
72. Про чудо треглавое и про Ваню-дурака (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
73. Из-за меда (былица)
74. Были и из партизан хваты (сказ) В. О. В.
75. Наши дочки ушли в партизаны
76. Про Сивку-Бурку (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
77. Про купца Иголкина (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
78. Как нас при немцах учили (сказ о В. О. В.)
79. Из воды молоко (сказ)
80. Выжили (былица)
81. Гроб с золотом (былица) *п[редание]*
82. Как дядька шишки на сосне курил (былица)
83. Про пережинки (былица)
84. Как бабе Палаше носак молоко носил (былица)
85. На лазее <нечистое место> (былица)
86. Как муж с жонкой клад достал (былица)
87. Длинный язык всему вредит (былица)
88. Про купца Иголкина (вариант Л. Л. Леонтьева — сказки) *ск[азка] в[олшебная]*
89. Выжили *пред[ание]*

90. Про Золушку (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
91. Сказка про Водяного (сказка)
92. Считалки
93. Частушки о немцах
94. Загадки
95. Как я ходила сына искать (В.О. В.)
96. Как баба Палаша окривела
97. Далеко в стране Иркутской
98. Частушки о немцах
99. О деревянной птице (сказка) ск. в. Вариант внука к эпизоду из сказки деда
100. Про волшебницу (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
101. Про Кощея бессмертного (сказка) *ск[азка] в[олшебная]*
102. На всю жизнь у лешего в руках (сказка)
103. Про збранёную девушку (сказка)
104. Барин Спицын сделавшее чертом, али наоборот, черт Спицыным (сказка) *пред[ание]*
105. Кукушкины слезы (былица)
106. Черное слово (былица)